

Михаэль Энде

ИСТОРИЯ, КОНЦА КОТОРОЙ НЕТ

Machaon

Михаэль Энде

История, конца которой нет

«Азбука-Аттикус»

1979

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84 (4 Гем)-44

Энде М. А.

История, конца которой нет / М. А. Энде — «Азбука-Аттикус»,
1979

ISBN 978-5-389-17654-6

Сказочная повесть с увлекательным, порой драматическим сюжетом, полная невероятных, фантастических приключений. Её автор Михаэль Энде (1929–1995), пожалуй, самый известный детский писатель Германии. Его книги переведены почти на все языки мира, и дети разных стран с огромным интересом читают его удивительные истории.

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84 (4 Гем)-44

ISBN 978-5-389-17654-6

© Энде М. А., 1979
© Азбука-Аттикус, 1979

Содержание

I. Фантазия в беде	13
II. Избран Атрейо	21
III. Древняя Морла	30
IV. Играмуль, Множество	38
V. Отшельники	44
VI. Трое волшебных ворот	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаэль Энде

История, конца которой нет

MICHAEL ENDE
DIE UNENDLICHE GESCHICHTE
1979

Michael Ende, DIE UNENDLICHE GESCHICHTE
© 1979, 2004 by Thienemann Verlag (Thienemann Verlag GmbH), Stuttgart/Wien
© А. Исаева, наследники, 2018
© Л. Лунгина, наследники, 2018
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018 Machaon®

КАК ПЛАЧУ КОРАБЛЬ
ПОСЛЕ ДЛИННОГО
ПЛАВАНИЯ

Эти непонятные слова можно было прочитать на стеклянной двери маленькой книжной лавочки, но, разумеется, только если смотреть на улицу из глубины полутёмного помещения.

В то серое, промозглое ноябрьское утро дождь лил как из ведра. Капли сбегали по изгибам букв, по стеклу, и сквозь него ничего не было видно, кроме пятнистой от сырости стены дома на противоположной стороне улицы.

Вдруг кто-то распахнул дверь, да так порывисто, что гроздь медных колокольчиков, висевшая у притолки, яростно затрещала и долго не могла успокоиться.

Переполюх этот вызвал маленький толстый мальчик лет десяти или одиннадцати. Мокрая прядь тёмно-каштановых волос падала ему на глаза, с промокшего насквозь пальто капали

капли. На плече у него висела школьная сумка. Мальчик был бледен, дышал прерывисто и, хотя до этой минуты, видно, очень спешил, застыл в дверном проёме, словно прирос к порогу.

Дальний конец длинного узкого помещения тонул в полутьме. Вдоль стен до самого потолка громоздились полки, плотно уставленные книгами разного формата и толщины. На полу возвышались штабеля фолиантов, на столе были навалены горы книжек размером поменьше, все в старинных кожаных переплётках и с золотым обрезом. В дальнем конце помещения за сложенной из книг стеной высотой в человеческий рост горела лампа. И в её свете время от времени появлялись кольца табачного дыма; подымаясь, они становились всё больше и больше, потом расплывались в темноте. Это было похоже на дымовые сигналы, какими индейцы передают друг другу с горы на гору всякие сообщения. Там явно кто-то сидел. И правда, из-за книжной стены раздался ворчливый голос:

– Пяльте глаза сколько угодно, можете с улицы, можете здесь, но только затворите дверь. Дует!

Мальчик тихонько прикрыл за собой дверь. Потом подошёл к стене из книг и осторожно заглянул за неё. Там в кожаном вольтеровском кресле с высокой спинкой, уже изрядно потёртом, сидел пожилой человек, грузный и коренастый, в мятном чёрном костюме, сильно поношенном и пропылённом. Его живот стягивал цветастый жилет. Голова у него была лысая как коленка, только над ушами торчали пучки седых волос. На буром лице, напоминавшем морду бульдога, красовался нос картошкой, на нём плотно сидели очки в золотой оправе. Старик попыхивал изогнутой трубочкой, и нижняя губа его при этом была так оттянута, что он казался косоротым. На коленях у него лежала толстая книга, которую он, как видно, только что читал – его пухлый палец был засунут между страницами вместо закладки.

Другой рукой он снял теперь очки и принялся разглядывать стоявшего перед ним толстого мальчика в промокшем пальто – с пальто так и капало. Он разглядывал мальчика пристально, прищулив глаза, отчего стал ещё больше походить на бульдога.

– Ах ты, малявка, – прохрипел он и, раскрыв книгу, вновь углубился в чтение.

Мальчик не знал, как ему себя вести, и продолжал стоять, не отрывая глаз от чудного старика. А тот вдруг снова захлопнул книгу и опять заложил страницу указательным пальцем.

– Учти, мой мальчик, я терпеть не могу детей... Теперь, правда, все почему-то носятся с вами как с писаной торбой, но имей в виду, это занятие не для меня. Ясно?.. По мне, все дети – орущие болваны, наказание рода человеческого, крушат всё, что попадёт под руку, пачкают книги вареньем, вырывают страницы, и плевать им на то, что у взрослых частенько паршиво на душе. Я говорю это, чтобы ты сразу усёк: другом детей меня уж никак не назовёшь. Кроме того, я не торгую детскими книжками, а книг для взрослых я тебе не продам, и не надейся! Ну вот, теперь нам как будто всё друг про друга ясно.

Всё это он произнёс брюзгливым тоном и очень невнятно, потому что не вынул трубку из рта. Потом снова раскрыл книгу и углубился в чтение.

Мальчик молча кивнул и уже собрался было уйти, но вдруг ему показалось, что он не может всё это стерпеть, так ничего и не сказав в ответ. Он повернулся к старику и чуть слышно произнёс:

– А вот и не ВСЕ такие.

Хозяин лавки поднял на него глаза и снял очки:

– Ты всё ещё здесь?.. Посоветуй, что надо сделать, чтобы такой балбес, как ты, закрыл дверь с той стороны? А?.. Что уж такое важное ты собирался мне сказать?

– Ничего уж такого важного, – прошептал мальчик. – Я просто сказал, что не все дети такие, как вы считаете.

– Вот оно что! – воскликнул старик, подняв брови с наигранным изумлением. – И надо полагать, именно ты и являешься счастливым исключением?

Вместо ответа толстый мальчик молча пожал плечами и повернулся к двери.

– Ну вот, так я и знал! – раздался за его спиной ворчливый голос. – Он к тому же ещё и плохо воспитан!.. А известно ли вам, молодой человек, что прежде всего надлежит представиться?

– Меня зовут Бастиан, – сказал мальчик, обернувшись. – Бастиан Бальтазар Букс.

– Весьма странное имя, – проскрипел старик. – Всё на «Б». Правда, в этом ты не виноват, не сам же ты так себя назвал... Ну-с, а меня зовут Карл Конрад Кореандер.

– А у вас всё на «К», – серьёзно заметил мальчуган.

– А ведь верно, – буркнул старик и выпустил из трубки несколько колечек дыма. – Впрочем, какое имеет значение, как нас зовут? Ведь мы, надеюсь, никогда больше не встретимся. Мне хотелось бы выяснить только одно: с чего это ты как бешеный ворвался в мою лавку? Похоже, за тобой гнались. Ты от кого-то спасался?

Бастиан кивнул. Лицо его стало ещё бледнее, зрачки расширились.

– Уж не ограбил ли ты кассу в магазине? – предположил господин Кореандер. – А может, пристукнул старушку? Или ещё что-нибудь похлеще – от вас теперь всего можно ожидать. Тебя что, мой мальчик, полиция преследует?

Бастиан покачал головой.

– Выкладывай всё как есть, – приказал господин Кореандер. – От кого ты бежал?

– От них.

– А кто это – они?

– Ребята из нашего класса.

– Почему ж ты от них бежал?

– Они... они всё время пристают ко мне.

– Что же они делают?

– Они подкарауливают меня у входа в школу.

– Ну и что?

– И по-всякому обзывают, дразнятся...

– И ты всё это терпишь? – Господин Кореандер неодобрительно поглядел на мальчика. – А почему бы тебе не врезать кому-нибудь как следует?

Бастиан поднял на него глаза.

– Нет, я этого терпеть не могу. А ещё... я не умею драться.

– А подтягиваться на кольцах ты умеешь? – спросил господин Кореандер. – А бегать, прыгать, плавать, играть в футбол, делать зарядку? Ничего не умеешь?

Мальчик покачал головой.

– Короче говоря, ты слабак?

Бастиан пожал плечами.

– Но хоть язык-то у тебя есть? Что же ты молчишь, когда над тобой издеваются?

– Я попробовал один раз им ответить...

– Ну и что?

– Они поймали меня, закинули в мусорный контейнер и закрыли крышку. Два часа я кричал, пока меня оттуда не вытащили.

– Ясно, – пробурчал господин Кореандер. – И теперь ты больше ничего не решаешься им сказать?

Бастиан кивнул.

– Вот и выходит, что ты труслив как заяц!

Бастиан потупил глаза.

– Может быть, ты выскочка? Первый ученик? Круглый отличник?.. Любимчик учителей?.. Так, что ли?

– Нет, – сказал Бастиан, не поднимая головы. – Меня оставили на второй год...

– Боже милостивый! – воскликнул господин Кореандер. – Выходит, ты круглый неудачник!

Бастиан ничего не ответил. Он стоял, опустив руки, а с его пальто всё капало и капало на пол.

– Как же они тебя дразнят? – поинтересовался господин Кореандер.

– Ну... по-разному.

– Например?

– Толстый дурень рухнул вниз, зацепился за карниз, карниз оборвался, дурень разорвался...

– Вовсе не смешно, – заметил господин Кореандер. – А ещё как?

Бастиан ответил не сразу.

– Чокнутый. Недоносок. Трепло. Свистун...

– А почему чокнутый?

– Потому что я иногда разговариваю сам с собой.

– О чём же ты разговариваешь сам с собой? Ну, к примеру?

– Рассказываю сам себе разные истории. Выдумываю чудные имена и слова, которых нет.

– И сам себе всё это рассказываешь? Зачем?

– Потому что только мне одному это и интересно.

Господин Кореандер на мгновение задумался.

– А как к этому относятся твои родители?

Бастиан ответил не сразу.

– Отец... – пробормотал он наконец. – Отец вообще всегда молчит. Ему всё до лампочки.

– А мать?

– Она от нас ушла.

– Вот как? Твои родители разошлись?

– Нет, – сказал Бастиан, – она умерла.

В этот момент зазвонил телефон. Господин Кореандер тяжело поднялся со своего кресла и, шаркая, поплёлся в маленький кабинет в глубине лавки. Он поднял телефонную трубку, и Бастиану показалось, что он называет его имя, но тут дверь закрылась, и, кроме невнятного бормотанья, ничего больше расслышать ему не удалось.

Бастиан всё ещё стоял не шевелясь. Он никак не мог взять в толк, что же такое с ним произошло, почему он стал всё рассказывать, да ещё так откровенно. Ведь он терпеть не мог, когда ему лезли в душу. И вдруг его прямо в жар бросило... Ведь он опоздает в школу! Ну да, ему надо торопиться, бежать со всех ног! Но он всё стоял и стоял, не в силах ни на что решиться. Что-то его здесь удерживало, а что, он не мог понять.

Невнятное бормотанье всё ещё глухо доносилось из кабинета – это был долгий телефонный разговор.

И тут Бастиан осознал, что всё это время он глядит на толстую книгу, которую господин Кореандер только что держал в руках, а теперь оставил на кожаном кресле. Мальчик просто глаз не мог от неё отвести. Казалось, от этой книги исходит какая-то волшебная сила и властно его притягивает.

Бастиан подошёл к креслу, медленно протянул руку, коснулся переплёта, и в тот же миг в груди у него ёкнуло – «клик!» – точно захлопнулась дверца капканчика. У него возникло смутное чувство, что от этого прикосновения с ним стало твориться что-то странное, чего уже никак не остановишь.

Он взял книгу и оглядел её со всех сторон. Переплёт был обтянут медно-красным шёлком и, чуть повертишь книжку в руках, отливал всеми цветами радуги. Бегло перелистав её, Бастиан заметил, что напечатана она двумя цветами – красным и зелёным. Картинок в ней не было вовсе, зато главы начинались огромными чудесными буквицами. Он снова внимательно

оглядел переплёт и увидел, что на нём изображены две змеи, светлая и тёмная: вцепившись друг другу в хвост, они образовывали овал. И в этом овале причудливыми, изломанными буквами написано заглавие книги:

ИСТОРИЯ, КОНЦА КОТОРОЙ НЕТ.

Человеческие страсти удивительно загадочны, и дети подвластны им не меньше, чем взрослые. Те, кем они завладеют, ничего не могут толком объяснить, а те, кто не ведает страстей, и представить себе не в силах, что это такое. Есть, например, люди, рискующие жизнью, чтобы покорить какую-нибудь заоблачную вершину. Но ни они сами, ни кто-либо другой на свете не могли бы сказать, зачем им это понадобилось. Другие готовы продать буквально последнюю рубашку, чтобы завоевать сердце той, которая о них и слышать не хочет. Третьи не могут побороть искушение проесть и пропить всё, чем владеют, всё до последнего. Иные готовы спустить целое состояние в азартной игре. А кто-то жертвует всем ради навязчивой идеи, которую и осуществить-то невозможно. Есть люди, убеждённые, что будут счастливы лишь тогда, когда переедут жить в другое место, и всю жизнь мечутся по белу свету в поисках заветного уголка. А некоторые не находят покоя, пока не обретут власти... Короче говоря, сколько людей, столько страстей.

Страстью Бастиана Бальтазара Букса были книги.

Кто никогда не просиживал над книгой долгие часы после школы с пылающими ушами и взлохмаченной шевелюрой...

Кто не читал взахлёб, забывая обо всём на свете, не замечая, что давно уже проголодался и околел от холода...

Кто никогда не читал тайком под одеялом при свете карманного фонарика, после того как мать, или отец, или ещё там кто-нибудь из домочадцев давно уже погасили свет, приказав тут же заснуть, потому что завтра вставать ни свет ни заря...

Кто никогда не проливал явно или тайно горьких слёз оттого, что кончилась какая-нибудь великолепная книга и пришло время проститься с её героями, с которыми пережил столько немыслимых приключений, которых успел полюбить навсегда, которыми не уставал восхищаться и так тревожился за их судьбу и всё гадал, повезёт им или нет, изо всех сил надеясь, что всё сбудется... Ведь без них теперь жизнь пуста, лишена всякого смысла...

Так вот, тот, кто не пережил всего этого сам, наверно, никогда не поймёт, как Бастиан сделал то, что он сделал.

Бастиан не мигая смотрел на заголовок книги, и его кидало то в жар, то в холод. Да, именно об этом он так часто думал, так страстно мечтал: «История, конца которой нет»! Книга книг!

Он должен заполучить её во что бы то ни стало.

Во что бы то ни стало? Легко сказать! Даже если бы он мог предложить за неё больше, чем те три марки пятьдесят пфеннигов, что лежат у него в кармане, всё равно ничего бы не вышло – ведь неприветливый господин Кореандер недвусмысленно заявил, что детям он ничего не продаёт. А уж тем более никогда ничего не подарит. Положение казалось безвыходным.

Но всё же Бастиан знал, что не сможет уйти без этой книги. Теперь ему стало ясно: он и попал-то сюда из-за неё – это она приманила его каким-то таинственным образом, потому что хотела быть у него, да и всегда, в сущности, была его книгой!

Бастиан прислушался к глухому урчанию, по-прежнему доносившемуся из кабинета.

Не успев отдать себе отчёт в том, что делает, Бастиан схватил книгу, быстро сунул её за пазуху и прижал к груди обеими руками. Не спуская глаз с двери кабинета, он бесшумно попятился к выходу. Осторожно нажал ручку, боясь, что зазвенят медные колокольчики, чуть открыл стеклянную дверь и с трудом протиснулся сквозь узкую щель. Потом тихонько затворил за собой дверь.

И побежал.

Тетради, учебники и пенал тряслись в его сумке в такт быстрому бегу. У него закололо в боку, но он продолжал бежать через силу.

Дождь хлестал по лицу, струйки воды стекали за шиворот, пальто не спасало Бастиана от промозглой сырости, но он всего этого не замечал. Ему было жарко, и не только от бега.

Совость, молчавшая в книжной лавке, вдруг проснулась и заговорила. Все доводы в оправдание поступка, которые казались такими убедительными, разом потеряли силу и растаяли, словно снеговик при появлении огнедышащего дракона.

Он украл! Он – вор!

То, что он совершил, было даже хуже, чем обыкновенная кража. Эта книга наверняка единственная и незаменимая. Она наверняка была главной ценностью господина Кореандера. Украсть у скрипача его скрипку или у короля корону – совсем не то, что ограбить кассу.

Вот о чём он думал, пока бежал, крепко прижимая книгу к груди. Но чем бы ему это ни грозило, он ни за что с ней не расстанется. Ведь, кроме неё, у него ничего теперь нет.

Идти домой он, конечно, уже не мог.

Он постарался представить себе отца, который сидит сейчас в большой комнате, превращённой в мастерскую, и работает. Перед ним на столе десятки гипсовых слепков человеческих челюстей: его отец – зубной техник. Бастиан ещё никогда не задавался вопросом, нравится ли отцу его профессия, – сейчас это впервые пришло ему в голову. Но теперь он, видно, уже никогда не сможет спросить об этом отца.

Если он сейчас придёт домой, отец тут же выйдет из мастерской в белом халате, скорее всего с гипсовой челюстью в руке и спросит: «Уже вернулся?» «Да», – ответит Бастиан. «Сегодня что, нет занятий?» Он так и видел застывшее в печали лицо отца и понимал, что не сможет ему соврать. Но и сказать правду тем более не сможет. Нет, выхода нет, надо идти куда глаза глядят, только бы подальше от дома. Отец никогда не должен узнать, что его сын стал вором. Впрочем, он, может быть, вовсе и не заметит, что Бастиан исчез. И, как ни странно, эта мысль даже несколько успокоила мальчика.

Бастиан уже не бежал. Он медленно шёл, тяжело дыша, и вдруг увидел в конце улицы – что бы вы думали? – здание школы. Оказывается, он, сам того не замечая, брёл той привычной дорогой, по которой каждое утро спешил в школу. Сейчас улица казалась ему пустынной, хотя по ней и шли прохожие. Но тому, кто сильно опаздывает, пространство вокруг школы всегда представляется вымершим. Бастиан чувствовал, как с каждым шагом растёт его страх. Он и всегда-то боялся школы – места своих ежедневных мучений и бед, боялся учителей – и тех, кто терпеливо призывал его взяться наконец за ум, и тех, кто срывал на нём своё дурное настроение. Боялся учеников, всегда смеявшихся над ним и не упускавших случая доказать, какой он неумеха и слабак. Школа всегда представлялась Бастиану чем-то вроде тюрьмы, в которую он заключён на много-много лет – пока не вырастет. И у него не оставалось другого выхода, кроме как молча и покорно отсиживать в классе положенные часы.

И когда Бастиан в промокшем насквозь пальто шагал уже по гулкому школьному коридору, где пахло мастикой, и напряжённая тишина забила ему уши, словно ватой, когда он очутился наконец перед дверью своего класса, выкрашенной в тот же цвет лежалоги шпината, что и стены вокруг, он ясно понял: в классе ему делать больше нечего. Ведь всё равно ему придётся потом скрываться. А раз так, почему бы не начать прямо сейчас?

Скрыться... но где?

Бастиан читал в разных книжках истории про мальчуганов, которые нанимались юнгой на корабль и уплывали в дальние края в поисках свободы и счастья. Одни становились пиратами, другие – героями и через много лет возвращались назад, на родину, богатыми и прославленными, и никто их не узнавал. Но Бастиан не чувствовал себя способным на такое. Даже если бы он решился стать юнгой, его наверняка бы не взяли, да к тому же он не имел ни малей-

шего представления о том, как добраться до какого-нибудь порта, где стоят корабли, годные для осуществления столь отчаянного замысла.

Так куда же бежать?

И тут Бастиану пришло в голову, что есть, пожалуй, одно подходящее место, где его, во всяком случае на первых порах, не станут искать, где можно будет отсидеться...

Чердак был огромным и тёмным. Тут едко пахло пылью и нафталином. Тут не было слышно ни единого звука, кроме барабанной дробы дождя по железной крыше. Почерневшие от времени могучие деревянные стропила на равном расстоянии опирались на вымощенное плитами перекрытие и поддерживали кровлю, теряясь где-то в темноте. Сверху, словно дырявые сети, свисали лохмотья паутины, медленно колыхаясь на сквозном ветру. Казалось, привидения летали под крышей. Сквозь слуховое окно сочился тусклый белёсый свет.

Единственным живым существом в этом помещении, где время словно остановилось, была маленькая мышка, которая металась по плитам, оставляя на слое пыли следы крохотных коготков. Там, где она опускала хвостик, между следами виднелась тоненькая чёрточка. Вдруг мышка поднялась на задние лапки, прислушалась и – фьюить! – исчезла в щели между плитами.

Ключ в большом замке со скрежетом повернулся, медленно, скрипя, отворилась дверь. Полоска света на мгновение перечеркнула пол, Бастиан проскользнул на чердак и затворил за собой дверь. Потом всунул ключ в замок изнутри, повернул его и вздохнул с облегчением, лишь когда для верности задвинул ещё и задвижку. Теперь его и в самом деле невозможно будет найти. Да и вряд ли кто-нибудь станет искать его здесь. Сюда поднимались очень редко – это он знал точно. Но если вдруг волею случая кто-нибудь и захочет попасть сюда сегодня или завтра, дверь окажется запертой, а ключа на месте нет. И даже если в конце концов дверь всё же удастся открыть, Бастиан сто раз успеет спрятаться среди всего этого хлама.

Постепенно глаза привыкли к темноте. А ведь он уже был здесь однажды. Полгода назад комендант велел ему поднять на чердак большую корзину с какими-то старыми документами. Тогда-то он и узнал, что ключ хранится в стенном шкафчике на верхней лестничной площадке. С тех пор он никогда об этом не вспоминал. Но теперь это сразу же пришло ему в голову.

У Бастиана зуб на зуб не попадал: пальто его промокло насквозь, а на чердаке было очень холодно. Прежде всего надо найти место, где можно поудобнее расположиться, ведь здесь ему предстоит провести много дней. Сколько именно – над этим он пока не задумывался, как, впрочем, и над тем, что вскоре ему захочется есть и пить.

Он прошёлся по чердаку.

Кругом стояли и валялись всякие ненужные предметы. Сломанные полки со старыми классными журналами и папками ведомостей. Громоздящиеся одна на другой парты с залитыми чернилами крышками. Подставка, на которой висит не меньше дюжины старых географических карт. Облупившиеся классные доски, проржавевшие железные печурки, сломанные гимнастические снаряды, в том числе «козёл» с разодранной кожаной обшивкой и торчащей паклей, лопнувшие набивные мячи, штабель грязных стёганных спортивных матов, а чуть подальше – пропылённые чучела разных зверей и птиц с шерстью и перьями, изъеденными молью: большая сова, орёл и лисица; за ними куча разбитых реторт, шеренга лабораторных штативов, электростатическая машина, скелет, висящий на чём-то вроде вешалки для платья, множество ящиков и картонных коробок, набитых старыми учебниками и исписанными тетрадами.

Оглядев всё это, Бастиан решил избрать своей резиденцией штабель спортивных матов. Если на них растянуться, чувствуешь себя почти как на диване. Он перетащил маты к слуховому окну, где было чуть посветлее, и увидел тут несколько сложенных серых солдатских одеял, конечно рваных и насквозь пропылённых, но накрыться ими было всё-таки можно. Бастиан положил их сверху на маты. Потом снял мокрое пальто и повесил его на скелет, отчего

кости рук и ног задёргались. Но мальчик не испугался. Быть может, потому, что привык дома к искусственным зубам и вставным челюстям. Мокрые башмаки он тоже снял. В одних носках уселся Бастиан по-турецки на мат и натянул на плечи, словно индеец у вигвама, серое суконное одеяло. Рядом он положил сумку и заветную книгу в медно-красном переплёте.

Бастиан подумал о том, что сейчас происходит там, внизу, у них в классе. Наверное, идёт урок немецкого языка и ребятам задали написать сочинение на какую-нибудь смертельно скучную тему.

Бастиан поглядел на книгу.

«Хотел бы я знать, – рассуждал он сам с собой, – что происходит здесь, в этой книге, пока она ещё закрыта. Конечно, там множество букв, напечатанных на листах бумаги, но всё же что-то там должно происходить, потому что не успею я её открыть, как тут же начнётся какая-нибудь неведомая мне история с неведомыми людьми, попавшими в неведомые приключения, и борьба за что-то или против чего-то, и морские штормы, и чужие страны, и незнакомые города. И всё это каким-то тайным образом спрятано под обложкой книги. Разумеется, чтобы пережить эту историю вместе с героями, её надо прочесть, но ведь события, о которых пойдёт речь, уже есть в книге... Хотелось бы мне знать, как так получается?»

И вдруг Бастиана охватило какое-то торжественное настроение. Он выпрямился, схватил книгу, раскрыл её на первой странице, и началась

ИСТОРИЯ, КОНЦА КОТОРОЙ НЕТ

I. Фантазия в беде

В Воющем Лесу была полночь. Порывистый ветер сотрясал кроны гигантских вековых деревьев. Толстенные, в несколько обхватов, стволы скрипели и стонали. Все звери и птицы в лесу укрылись в своих берлогах, норах и гнёздах. И вдруг в самой чаще промелькнул слабый огонёк. Он появлялся то тут, то там, замирал на месте, вздрагивал, перемещался зигзагами, потом вроде бы усаживался на ветки, но тут же взлетал и поспешно устремлялся дальше. Это был светящийся шар величиной с детский мячик. Он продвигался вперёд большими скачками и, едва коснувшись земли, снова взмывал ввысь. Но это был не мяч. Не мяч, а Блуждающий Огонёк, и, представьте, он заблудился. Короче говоря, это был заблудившийся Блуждающий Огонёк, что в Фантазии случается крайне редко. Обычно, наоборот, Блуждающие Огоньки заводят людей в такую чащобу, что и не выберешься.

Внутри светящегося шара можно было разглядеть маленькое, очень подвижное существо, которое бежало и прыгало, напрягая все свои силёнки. Блуждающие Огоньки не бывают ни самцами, ни самками – у них не существует этого различия. В правой руке он держал малюсенький белый флажок, который развевался у него за спиной. Значит, этот Блуждающий Огонёк был вестником или курьером.

Не было никакой опасности, что, прыгая так высоко в темноте, он разобьётся о ствол или о толстый сук, – ведь Блуждающие Огоньки необычайно ловкие, быстро реагируют на всё происходящее вокруг, и им ничего не стоит изменить направление во время прыжка. Поэтому и путь его был не прямым, а зигзагообразным. И всё же Огонёк двигался в одну определённую сторону.

Во всяком случае, так было до той секунды, когда он чуть не налетел на выступ скалы и в испуге отпрыгнул назад. Он юркнул в дупло, принялся чесаться, словно шелудивый щенок, и долго соображал, что же ему теперь делать, прежде чем решился снова выползти из укрытия и осторожно заглянуть за скалу.

Перед его взором раскинулась поляна; на ней сидели вокруг костра три создания очень разного вида и размера. Великан, будто высеченный из серого камня, был ростом не меньше десяти метров. Он лежал на животе, упёршись локтями в землю, и не отрываясь глядел в огонь. Щербатое каменное лицо с выдвинутой вперёд нижней челюстью и острыми зубами, похожими на заточенные зубья стальной пилы, казалось слишком маленьким для его могучих плеч. Блуждающий Огонёк сразу сообразил, что великан принадлежит к племени Скалоедов, живущих в горах, расположенных невообразимо далеко от этого леса. Причём Скалоеды не только живут в горах, но и живут горами – они их пожирают. Да-да, они питаются исключительно скалами. К счастью, великаны очень непритворливы в еде и одного хорошего куска столь питательной для них скальной пищи хватает им, чтобы насытиться на недели, а то и на месяцы. К тому же племя их невелико, а скалы огромны.

Однако, поскольку Скалоеды появились в тех местах очень давно и, в отличие от других созданий Фантазии, являются, так сказать, долгожителями, горы приобрели с течением времени весьма своеобразный облик и стали похожи на гигантские эмментальские сыры из-за прогрызенных дырок. Наверно, поэтому они и называются Сквозные Горы. Впрочем, Скалоеды не только питаются скалами, но и производят из них всё, что им нужно: мебель, шляпы, башмаки, инструменты и даже ходики с кукушкой. Неудивительно, что рядом со Скалоедом стоял каменный велосипед с колёсами, похожими на мельничные жернова. Вся конструкция его напоминала асфальтовый каток с педалями по бокам.

Вторым созданием был малюсенький Ночной Эльф, сидевший справа от Скалоеда. Ростом не больше двух Блуждающих Огоньков, взобравшихся один на другого, он был похож на чёрную мохнатую гусеницу, вставшую на дыбы. Разговаривая, Ночной Эльф энергично

жестикулировал малюсенькими розовыми лапками, а там, где под буйной чёрной гривой находилась, по-видимому, его голова, посверкивали, будто две луны, круглые глазища.

Во всех областях Фантазии полным-полно Ночных Эльфов разного вида и величины, и поначалу трудно было понять, издалека ли прибыл тот Эльф, что сидел у огня. Однако, судя по всему, и он был путешественником. Рядом с ним, на ветке дерева, головой вниз, со сложенными крыльями, будто закрытый зонтик, висел нетопырь, или, попросту говоря, крупная летучая мышь, из тех, на каких обычно летают Ночные Эльфы.

А третье создание, сидевшее слева от Скалоеда, Блуждающий Огонёк увидел не сразу, такое оно было миниатюрное. Даже на небольшом расстоянии его никак не удавалось как следует разглядеть. Оно было из рода Мелюзги: представьте себе крошечного человечка с изящными ручками и ножками, в пёстром костюмчике и с красным цилиндром на голове.

Про Мелюзгу Блуждающий Огонёк толком ничего не знал. Правда, когда-то он слышал, что этот мельчайший народец возводит целые города на ветках деревьев, причём дома соединены друг с другом разнообразными лестницами, в том числе и верёвочными, и желобами, по которым можно скользить вниз, как с горки. Но жил тот мелкий народец на другом краю безграничной Фантазии, ещё куда дальше отсюда, чем Скалоеды. Тем удивительнее, что Мелюзга, очевидно, путешествовал на улитке, которая дремала чуть поодаль: на её розовой витой ракушке поблёскивало серебряное седельце, а уздечка и вожжи, прикреплённые к её рожкам, казались серебряными ниточками.

Признаться, Блуждающий Огонёк удивился, что три столь разных создания так дружно сидят у костра, – ведь творения Фантазии далеко не всегда живут в мире и согласии. Частенько тут случались и стычки, и войны, а вражда между некоторыми племенами длилась веками. Нет, Фантазия населена не только честными и добрыми созданиями, есть там и жестокие, и злонамеренные, и ужасные. Да и сам Блуждающий Огонёк, честно говоря, был из рода, не вполне заслуживающего доверия. Наблюдая за этой тройкой, Блуждающий Огонёк вскоре заметил, что у каждого из них либо белый флажок в руке, либо повязанная через плечо белая ленточка, – выходит, все они посланцы или курьеры. Этим, как видно, и объяснялась их нынешняя мирная беседа.

Уж не по той же ли причине они отправились в путь, что и Блуждающий Огонёк?

Сильный ветер, сотрясавший деревья, заглушал их слова, но раз они уважают друг друга как посланцы, может быть, они и его примут в свою компанию? Ведь он тоже посланец и не причинит им никакого вреда. Так или иначе, ему необходимо спросить у кого-нибудь дорогу. Вряд ли ему представится другой такой случай ночью, в глухом лесу. Блуждающий Огонёк собрался с духом, выпрыгнул, размахивая белым флажком, из своего укрытия и, дрожа как осиновый лист, застыл в воздухе.

Первым его заметил Скалоед, глядевший как раз в ту сторону.

– Здесь нынче небывалое оживление, – прокрипел он. – Вон ещё кто-то появился.

– Угу-гу, – отозвался Ночной Эльф. – Это ведь Блуждающий Огонёк! Очень рад, очень рад!

Мелюзга встал, прошёл несколько шажков навстречу пришельцу и пропищал:

– Если не ошибаюсь, вы тоже прибыли сюда в качестве посланца?

– Да-да, – поспешил подтвердить Блуждающий Огонёк.

Тогда Мелюзга приподнял свой красный цилиндр и с учтивым поклоном пролепетал:

– О, прошу вас, подойдите поближе! Мы ведь тоже посланцы. Подсаживайтесь к нам. –

И он указал цилиндром на свободное место у костра.

– Благодарю вас, благодарю, – произнёс Блуждающий Огонёк и боязливо приблизился. –

Очень рад. Разрешите представиться. Меня зовут Блюбб.

– Очень приятно, – ответил Мелюзга. – А меня – Укюк.

Ночной Эльф поклонился сидя:

– Вишвузул.

– Весьма рад, – проскрипел Скалоед. – А моё имя – Пьернрахцарк.

Затем все трое усталились на Блуждающего Огонька, который от смущения готов был сквозь землю провалиться. Дело в том, что Блуждающие Огоньки терпеть не могут, когда на них глядят в упор.

– Так что же вы не садитесь, любезный Блюбб? – спросил Мелюзга.

– Собственно, я очень спешу, – ответил Блуждающий Огонёк. – Я только хотел спросить у вас дорогу. Не могли бы вы указать, в каком направлении мне надо лететь, чтобы попасть к Башне Слоновой Кости?

– Угу-гу, – повторил Ночной Эльф. – Уж не направляетесь ли вы к Девочке Королеве?

– Конечно, к ней! – воскликнул Блуждающий Огонёк. – Я должен передать ей очень важную весть.

– Какую? – проскрипел Скалоед.

– Дело в том, – Блуждающий Огонёк то гас, то вновь вспыхивал, – что это тайная весть.

– У нас троих та же цель пути, что и у тебя, – сообщил Ночной Эльф Вишвузул. – Мы все тут делаем одно дело.

– Вполне вероятно, что и весть у нас одна и та же, – добавил Мелюзга Укюк.

– Садись и выкладывай, – проскрипел Пьернрахцарк.

Блуждающий Огонёк послушно опустился на свободное место.

– Моя страна, – начал он, помолчав, – лежит довольно далеко от этих мест. Вряд ли кто-нибудь здесь её знает. Называется она, с вашего позволения, Гнилое Болото.

– Угу-гу, – с восхищением произнёс Ночной Эльф. – Представляю, какое это расчудесное место!

Слабая улыбка тронула губы Блуждающего Огонька.

– О да! – воскликнул он.

– Ну а дальше-то что? – прохрипел Пьернрахцарк. – Что же заставило тебя отправиться в путь, Блюбб?

– У нас в Гнилом Болоте, – продолжал Блуждающий Огонёк запинаясь, – произошло нечто... нечто, с вашего позволения, непостижимое... Собственно говоря, это и сейчас продолжает происходить... Это... трудно описать... Всё началось с того, что... Короче... На востоке нашей страны есть озеро... точнее, было озеро... называлось оно Кипучая Лужа... Так вот... всё началось с того, что в один прекрасный день наше озеро, с вашего позволения, исчезло... Понимаете, его просто больше нет... Корова языком слизнула...

– Вы хотите сказать, – попробовал уточнить Укюк, – что оно вдруг высохло?

– Да нет! – воскликнул Блуждающий Огонёк. – Если бы оно высохло, то на этом месте осталось бы, с вашего позволения, высохшее озеро... Но у нас вышло иначе... Там, где было озеро, теперь нет ничего... Там просто НИЧТО, понимаете?

– Там теперь дырка, что ли? – удивлённо проскрипел Скалоед.

– Увы, дырки там, с вашего позволения, нет, – ответил Блуждающий Огонёк с беспомощным видом. – Дырка – это не ничто, а нечто, а там вообще ни-че-го нет...

Трое посланцев многозначительно переглянулись.

– Как же оно выглядит, это, угу-гу, НИЧТО? – поинтересовался Ночной Эльф.

– Это-то как раз и трудно описать, – растерянно пробормотал Блуждающий Огонёк. – Никак... Это, с вашего позволения, никак не выглядит!.. Это будто... будто... Нет слов, чтобы это выразить!..

– Это будто ты становишься слепым, когда глядишь на то место, – вдруг произнёс Мелюзга. – Так, что ли?

Блуждающий Огонёк устался на Мелюзгу с разинутым ртом.

– Абсолютно точно сказано!.. Но откуда... Вам что, это тоже известно?..

Тут раздался скрип Скалоеда:

– Скажи, этим всё и кончилось?

– Поначалу – да... – объяснил Блуждающий Огонёк. – Вернее, это место становилось всё больше и больше... А вся область, ну, остальная территория, всё уменьшалась и уменьшалась... Племя Унекеумпф, которое жило не тужило на берегу Кипучей Лужи, вдруг почти исчезло, а кто не исчез, бросился бежать из этих мест. А потом такие же необъяснимые события стали происходить и в других уголках Гнилого Болота... Иногда это были совсем маленькие пропажи. Я видел, например, НИЧТО величиной с яичко болотной курочки... Но потом оно, это крохотное НИЧТО, обязательно расширяется. И если кто-нибудь по рассеянности попадёт туда ногой или рукой, то исчезает и нога, и рука... В общем, исчезает всё, что бы туда ни попало... К слову сказать, это абсолютно не больно, просто вдруг у кого-то, с вашего позволения, начинает чего-то не хватать... Некоторые даже, когда подходили слишком близко, сами кидались в НИЧТО и пропадали навеки... Дело в том, что НИЧТО обладает неодолимым притяжением, растущим вместе с ним... Никто в наших краях не может объяснить это страшное явление, никто не знает, как оно возникло и как с ним бороться. И так как оно всё больше распространяется, решили отправить посланца к Девочке Королеве, просить у неё совета и помощи... Вот я и есть этот самый, с вашего позволения, посланец...

Все трое выслушали его молча, не поднимая глаз.

– Угу-гу! – прервал молчание Ночной Эльф душераздирающим голосом. – В моих краях происходит буквально то же самое, и меня послали буквально с тем же поручением, что и тебя, угу-гу!..

Мелюзга повернулся к Блуждающему Огоньку.

– Все мы прибыли из разных областей Фантазии, – пропищал он. – Мы встретились здесь совершенно случайно, однако все мы несём Девочке Королеве одну и ту же горькую весть.

– Это значит, что вся Фантазия в беде, – прокричал Скалоед.

Блуждающий Огонёк в смертельном испуге переводил взгляд с одного на другого.

– Тогда нельзя терять ни минуты! – выкрикнул он, подскочив.

– Мы как раз и собирались тронуться в путь, – объявил Мелюзга. Мы сидим здесь только потому, что в лесу сейчас темно, хоть глаз выколи. Но поскольку вы теперь с нами, Блюбб, вы сможете освещать нам путь.

– Об этом не может быть и речи! – решительно заявил Блуждающий Огонёк. – Весьма сожалею, но я никак не могу светить тем, кто разъезжает на улитках. Спешу!

– Да это же гоночная улитка! – обиженно произнёс Мелюзга.

– Не хочет светить – не надо! – разозлился Ночной Эльф.

– А мы тогда ему не укажем, в каком направлении двигаться!

– Интересно, кому вы всё это говорите? – снова заскрипел Скалоед.

И в самом деле, Блуждающий Огонёк уже не слышал ни слова – он метался по тёмному лесу, всё удаляясь и удаляясь.

– Ну и пусть! – беспечно заявил Мелюзга Укюк, сдвигая на затылок красный цилиндр. – Разве можно полагаться в пути на Блуждающий Огонёк?

И он лихо вскочил на свою гоночную улитку.

– А я, честно говоря, тоже предпочёл бы, чтобы каждый добрался до Башни Слоновой Кости сам по себе, – признался Ночной Эльф и позвал тихим «угу-гу» летучую мышь. – Ведь я-то лечу!

И – фьюить! – его уже и след простыл. Скалоед загасил костёр, прибив огонь каменной ладонью.

– По мне, тоже лучше, что мы расстаёмся, – послышался в темноте его скрипучий голос. – Хоть не придётся следить, как бы ненароком не раздавить Мелюзгу.

И, взгромоздившись на свой каменный велосипед, он с треском и грохотом, не разбирая дороги, покатил по лесу. Время от времени слышался глухой удар – это Скалоед налетал на толстый ствол огромного дерева. Тогда он скрипел зубами и громко ворчал. Но постепенно шум и гул стихали, удаляясь.

Итак, Мелюзга по имени Укюк остался в одиночестве. Он натянул вожжи из серебряных нитей и пропищал:

– Что ж, посмотрим, кто первым туда прибудет. Н-но, трогай! – И прищёлкнул языком. И теперь ничего уже не было слышно, кроме свиста ветра в кронах деревьев.

Башенные часы пробили девять.

Бастиан неохотно оторвался от книги. Он был рад, что эта «История, конца которой нет» не имеет к действительности никакого отношения.

Он не любил книжки, в которых уныло рассказывалось об обыденной жизни обыкновенных людей. Такими наблюдениями он был сыт по горло, зачем же ещё об этом читать? Кроме того, он приходил в ярость, когда замечал, что ему, вроде бы невзначай, настойчиво что-то внушают. В таких книгах всегда – то более, то менее явно – подсовывают читателю какое-нибудь назидание.

Бастиан любил книги, от которых невозможно оторваться, а ещё книги весёлые, а ещё – те, что заставляют мечтать, и где выдуманные герои переживают самые невероятные приключения, и где можно самому вообразить всё, что захочешь, даже то, что там и не написано.

Потому что он в самом деле умел – быть может, единственное, что он и вправду умел, – представлять себе что-нибудь очень ярко, как будто всё это видишь и слышишь. Когда он рассказывал сам себе разные истории, он вообще забывал обо всём на свете и возвращался к действительности, словно бы очнувшись от сна, лишь после того, как история кончалась. А вот эта книга была как раз такой, как те истории, что он придумывал сам. Читая её, он слышал не только как скрипят, качаясь, толстые стволы и в их густых кронах завывает ветер, но и такие разные голоса четырёх странных посланцев. Ему даже казалось, что он вдыхает запах мха и сыроватой земли в лесу.

Внизу, в классе, сейчас должен начаться урок биологии. И все займутся подсчётом тычинок и пестиков в разных цветах. Бастиан был рад, что сидит не там, а тут, в своём укрытии, и может спокойно читать эту книгу, которая просто создана для него. Точь-в-точь такая, о какой он мог только мечтать.

Неделю спустя шустрый Ночной Эльф Вишвузул первым добрался до цели. Первым! Вернее, он был убеждён, что прибыл первым, поскольку летел по воздуху.

В час заката, когда облака на вечернем небе кажутся расплавленным золотом, он заметил, что его летучая мышь парит над Лабиринтом. Так назывался тянувшийся от горизонта до горизонта необозримый цветник, пьянящий тончайшими ароматами и чарующий гармонией сказочных красок. Между живописными куртинами, живыми изгородями, лужайками и клумбами, где росли диковинные цветы, пролегали широкие дорожки и вились узенькие тропинки, переплетаясь так хитроумно и запутанно, что вся эта бескрайняя, многоцветная равнина превращалась в лабиринт. Конечно, устроен он был только забавы ради, для игры и удовольствия, а вовсе не для того, чтобы уберечь Девочку Королеву от злонамеренных посетителей или подвергнуть кого-либо опасности заблудиться. Для этих целей Лабиринт был решительно непригоден, но и Девочка Королева ничуть не нуждалась в такой защите. Ведь на всём безграничном пространстве Фантазии не было ни одного создания, которого ей следовало бы опасаться. И это обстоятельство имело свою причину, о которой мы скоро узнаем.

Пока Ночной Эльф бесшумно парил над Лабиринтом верхом на нетопыре, он заметил внизу множество диких зверей. На небольшой лужайке между кустами сирени и зарослями золотых шаров несколько молодых единорогов резвились в лучах заходящего солнца. Ему даже показалось, что под гигантским колокольчиком он увидел знаменитую Птицу Феникс, выглядывающую из гнезда, но он не был в этом уверен, а вернуться назад, чтобы убедиться воочию, он себе не позволил, так как боялся потерять время – ведь в середине Лабиринта, сияя сказочной белизной, возвышалась Башня Слоновой Кости, сердце Фантазии, где жила Девочка Королева.

Слово «Башня» может ввести в заблуждение тех, кто там не бывал.

Сразу представляешь себе что-то вроде колокольни или крепостной башни. Между тем как Башня Слоновой Кости была, собственно говоря, целым городом. Правда, издали её можно было принять за гигантскую сахарную голову или за высокую конусообразную гору, витую, словно раковина улитки, а острый её конец скрывался в облаках. И только вблизи становилось ясно, что на самом деле она не что иное, как нагромождение несметных прилепившихся друг к другу башен и башенок, куполов и крыш, террас, арок, лестниц и балюстрад, и всё – из белоснежной слоновой кости, причём каждая деталь столь искусно выточена, что даже вблизи кажется тончайшим кружевом.

Во всех этих зданиях размещались придворные Девочки Королевы, её камеристки и служанки, мудрые тайные советники и звездочёты, маги и шуты, курьеры, повара и акробаты, танцовщицы на канате и сказители, герольды, садовники, сторожа, портные, сапожники и алхимики. А на верху этой колоссальной башни, на самом её острие, в крошечном дворце, по форме напоминающем бутон магнолии, жила сама Девочка Королева. В редкие ночи, когда полная луна особенно ярко светила на усеянном звёздами небосводе, лепестки бутона раскрывались, и цветок магнолии из слоновой кости сиял в поднебесье во всём своём великолепии. А в самой его сердцевине сидела Девочка Королева.

Маленький Ночной Эльф посадил нетопыря на одну из нижних террас, где были расположены конюшни для скакунов всех видов. Кто-то, судя по всему, сообщил, что он подлетает, и его уже ждали. Пять бравых королевских конюхов помогли ему спешиться, почтительно склонились и молча протянули поднос с кубком из слоновой кости, полным приветственного напитка, как было предписано церемонией встречи. Вишвузул отпил глоток и, чтобы не нарушить этикета, возвратил кубок конюхам, которые также отпили по глотку и снова поклонились. Потом они, не проронив ни слова, разнуздали летучую мышь и отвели её в конюшню.

Как только летучая мышь оказалась в отведённом ей стойле, она, не притронувшись ни к еде, ни к питью, быстро сложила крылья, повисла вниз головой на каком-то крючке и тотчас впала в глубокий сон. Конюхи оставили её в покое и на цыпочках удалились из конюшни.

К слову сказать, в конюшне было много всевозможных скакунов: два слона, розовый и голубой, огромный грифон – полуорёл-полулев, белая крылатая лошадь – название этого животного когда-то хорошо знали, и не только в Фантазии, но сейчас его начисто забыли, – несколько летающих собак и летучих мышей; были там даже стрекозы и бабочки для самых крошечных всадников. В других конюшнях содержались скакуны, которые не летали, а бегали, ползали или плавали, и к каждому были приставлены конюхи, чтобы за ними ухаживать и их охранять.

Естественно было бы услышать здесь множество разных звуков: рёв, клёкот, посвист и трели, писк, кваканье и гоготанье. Однако в конюшнях царила мёртвая тишина.

Маленький Ночной Эльф всё ещё стоял там, где его оставили конюхи. Он почувствовал себя вдруг подавленным и опустошённым, а почему – и сам не знал. Его силы были исчерпаны столь долгим путешествием. И даже то, что он оказался здесь первым, не придавало ему бодрости.

– Алло! – донёсся до него вдруг писклявый голосок. – Уж не наш ли это друг Вишвузул? Какое счастье, что вы наконец прибыли.

Ночной Эльф обернулся, и его лунообразные глаза вспыхнули от удивления: на балюстраде, небрежно опершись о цветочный вазон слоновой кости, стоял Мелюзга Укюк и помахивал красным цилиндром.

– Угу-гу! – вырвалось у Ночного Эльфа, который, признаться, глазам своим не поверил. – Угу-гу! – тупо повторил он, не в силах придумать что-нибудь поостроумнее.

– А тех двоих до сих пор ещё нет, – сказал Мелюзга. – Что до меня, то я тут со вчерашнего утра.

– Как? Угу-гу... Как это вам удалось? – спросил Ночной Эльф.

– Ничего удивительного, – скромно заметил Мелюзга и смущённо улыбнулся. – Ведь я же вам говорил, что у меня гоночная улитка.

Ночной Эльф почесал розоватой лапкой мохнатую шёрстку на затылке.

– Я должен немедленно увидеть Девочку Королеву, – сказал он плаксиво.

Мелюзга поглядел на него в задумчивости.

– Гм-гм... – произнёс он наконец. – Я уже вчера испросил аудиенцию.

– Испросил аудиенцию? – изумился Ночной Эльф. – А просто так к ней нельзя пройти?

– Боюсь, что не удастся, – пропищал Мелюзга. – Придётся очень долго ждать. Здесь собралось... как бы это поточнее выразиться... Невообразимое количество посланцев.

– Угу-гу, – простонал Ночной Эльф. – Но почему?.. Что тут происходит?

– Лучше всего вам самому на это взглянуть, – защебетал Мелюзга. – Пошли, дорогой Вишвузул, пошли!

И они отправились в путь.

По главной улице, которая круто взбегала вверх сужающейся спиралью, сновали толпы весьма странных созданий: гигантские джинны в высоких тюрбанах, малютки домовые, трёхголовые тролли, бородатые гномы, светящиеся феи, фавны с козлиными копытцами, лесные нимфы, покрытые золотистой шёрсткой, искрящиеся снеговики. То тут, то там возникали группы, в которых о чём-то шептались, а кое-кто молча сидел прямо на земле, печально уставившись в одну точку.

При виде этой картины Вишвузул остановился как вкопанный.

– Угу-гу! Что случилось? Что они тут делают? – вскричал он.

– Все они – посланцы, – пояснил Укюк, понизив голос. – Посланцы из всех областей Фантазии. И все они прибыли с той же вестью, что и мы. Я уже со многими успел поговорить. Похоже, везде происходит одно и то же.

Ночной Эльф не смог подавить жалобный вздох.

– А знает ли кто-нибудь, что это такое? – спросил он. – Отчего это происходит?

– Увы, нет. Никто ничего не может объяснить.

– Даже сама Девочка Королева?

– Девочка Королева больна, – ещё тише прошептал Мелюзга. – Очень-очень больна. Быть может, это и есть главная причина того непостижимого бедствия, которое обрушилось на Фантазию. Однако до сей поры ни один из пяти сотен докторов, собравшихся сейчас в Тронном Зале дворца и в Павильоне Магнолии, не может понять, что это за болезнь и как её вылечить. Никто не знает средства от этой болезни.

– Угу-гу! – глухо загудел Ночной Эльф. – Так это же катастрофа!

– Да, настоящая катастрофа, – подтвердил Мелюзга.

Понятно, что после такого разговора Вишвузул отказался от мысли тут же испросить аудиенцию у Девочки Королевы.

Два дня спустя в столицу прибыл Блуждающий Огонёк Блюбб. Он, конечно, помчался не в том направлении и сделал огромный крюк.

И последним – ещё дня через три – явился Скалоед Пьернрахцарк. Он приплёлся пешком – в дороге на него напал такой голод, что он сожрал свой каменный велосипед.

Во время длительного ожидания аудиенции в Башне Слоновой Кости эти четыре столь разных посланца так подружились, что остались друзьями на всю жизнь.

Но это уже другая история, и мы расскажем её как-нибудь в другой раз.

II. Избран Атрейо

Совещания, на которых решались вопросы, жизненно важные для всей Фантазии, проходили обычно в Большом Тронном Зале Башни Слоновой Кости, расположенном в самом дворце, несколькими этажами ниже Павильона Магнолии.

Сейчас в этом просторном круглом Зале слышался приглушённый гул. Четыреста девяносто девять лучших врачей Фантазии, собравшихся здесь, переговаривались полушёпотом. Каждый из них лично осмотрел Девочку Королеву – кто уже некоторое время тому назад, а кто совсем недавно, – и каждый пытался помочь ей своим искусством врачевания. Но никому это не удалось, никто не понимал, чем она больна, никто не нашёл причины её болезни и не смог её вылечить. А пятисотый врач, самый знаменитый из всех – о нём шла молва, что нету такой лечебной травы и такого волшебного средства, нету такой тайны природы, что была бы ему неведома, – уже много часов находился у постели больной, в Павильоне Магнолии, и теперь все присутствующие с тревогой ждали его заключения.

Конечно, не надо думать, что это собрание врачей походило на обычный медицинский консилиум. Хотя в Фантазии обитало немало созданий, по внешности более или менее напоминающих людей, столько же, если не больше, было похожих на зверей либо вообще ни на что не похожих. Собравшееся здесь общество врачей выглядело так же разнолико, как пёстрая толпа посланцев перед дворцом. В Тронном Зале бок о бок сидели врачи-гномы, все как на подбор с седыми бородами и длинными локонами, врачихи-феи в серебристо-голубых сияющих одеждах, со сверкающей звездой в волосах, водяные с толстыми животами и перепонками между пальцами рук и ног (для них вместо кресел были поставлены удобные сидячие ванны). Тут же лежали и мудрые змеи, свернувшись кольцом на столе посередине Зала, жужжали пчеловидные эльфы; слонялись по Залу, гонимые нетерпением, чёрные маги, вампиры и привидения, хотя обычно людская молва и не причисляет их к существам доброжелательным и благотворно действующим на здоровье.

Чтобы понять, почему и они тут оказались, необходимо знать следующее: Девочка Королева, как на то указывает её титул, была королевой всех неисчислимых стран, размещённых на не знающей границ территории Фантазии, но на самом деле она была куда более значительной персоной, нежели просто самодержавная владычица. Она не властвовала в обычном смысле этого слова, никогда не прибегала к насилию и никогда не пользовалась своим могуществом. Она не издавала никаких указов, не вершила суд и расправу, ни на кого не нападала, и ей никогда не приходилось обороняться от нападения, потому что никому не могло прийти в голову восстать против неё или причинить ей зло. Перед нею все были равны.

Она просто существовала, и всё. Но для её подданных было важнее всего само её существование: она была сердцевинкой всей жизни Фантазии.

И всякая тварь, не важно какая – добрая или злая, красивая или уродливая, весёлая или печальная, вздорная или мудрая, – обрела жизнь только благодаря Девочке Королеве. Без неё ничего не могло бы быть, как не может быть человека без сердца.

Никто не умел постичь до конца эту тайну, но все знали, что это правда. И потому все создания Фантазии так её уважали и так за неё тревожились. Ведь её смерть была бы их концом и гибелью всей необъятной бескрайней Фантазии...

Тут Бастиан оторвался от книги.

Ему вдруг вспомнился длинный коридор в клинике, где оперировали его маму. Они с отцом бесконечно долго сидели перед дверью операционной и ждали. Мимо них торопливо пробегали врачи и медсёстры. Когда отец спрашивал их, как мама, они отвечали уклончиво. Казалось, никто толком не

знает, как она себя чувствует. А потом из операционной вышел лысый человек в белом халате. Вид у него был изнурённый и печальный. Он сказал им, что все усилия ни к чему не привели, что ему очень жаль... Он пожал им обоим руку и пробормотал: «Всем сердцем сочувствую...»

После этого отец стал совершенно иначе относиться к Бастиану.

Правда, Бастиан имел всё, что только мог пожелать. У него был велосипед с тройным переключением скоростей, электрическая железная дорога, коробки с витаминами, пятьдесят три книги, хомячок с золотистой шкуркой, аквариум с пресноводными рыбками, маленький фотоаппарат, шесть фирменных перочинных ножей и ещё многое другое. Но всё это, собственно говоря, ему не очень-то было нужно.

Бастиан помнил, что прежде отец часто возился с ним, рассказывал ему всякие истории и читал вслух. Но с того дня всё это кончилось. Бастиан совсем разучился разговаривать с отцом – между ними как бы возникла какая-то невидимая стена. Теперь отец никогда уже не ругал сына, но и никогда его не хвалил. Даже узнав, что Бастиана оставили на второй год, отец ничего не сказал. Он только взглянул на него отсутствующим и удручённым взглядом, и у мальчика возникло странное чувство: ему показалось, что он для отца вообще больше не существует. С того дня это чувство не покидало его. Когда они вечером садились вдвоём у телевизора, отец – Бастиан заметил это – никогда не глядел на экран, его мысли были где-то далеко-далеко, там, где его уже не догонишь. А когда они располагались в столовой, каждый со своей книгой в руках, отец не читал, а часами глядел на одну и ту же страницу, не переворачивая её.

Бастиан, конечно, понимал, что отец тоскует. Он и сам плакал много-много ночей подряд, да так сильно, что от всхлипываний его начинало тошнить. Но понемногу это прошло. И ведь у отца был ещё он, Бастиан. Почему же отец никогда с ним не разговаривает? Ни о маме, ни о чём другом важном, а только скупо роняет самые необходимые слова?

– Если бы только знать, – рассуждал длинный худой Дух Огня с бородой из красного пламени, – чем она, собственно говоря, больна? Жара у неё нет? Опухоли тоже нет. Нет ни сыпи, ни воспаления. Она просто угасает, а отчего – непонятно.

После каждой фразы изо рта у него вылетало маленькое облачко дыма, образуя какую-нибудь фигуру. Сейчас это был вопросительный знак.

Облысевший от старости Ворон, похожий на большую картофелину, в которую как попало воткнули несколько чёрных перьев, – он был специалистом по простудным заболеваниям, – хрипло прокаркал:

– Она не кашляет. И насморка у неё нет... С медицинской точки зрения это вообще не болезнь. – Он поправил на клюве большие очки и вызывающе взглянул на собеседников, как бы принуждая их согласиться.

– Во всяком случае, для меня несомненно, – прогудел Скарабей, жук, которого иногда называют Жуком-Аптекарем, – что между её недугом и теми ужасными событиями, о которых нам рассказали посланцы, есть таинственная связь.

– Ну, вы в своём репертуаре, – саркастически заметил Чернильный Человечек, – всегда и во всём вы видите таинственную связь.

– А вы вообще ничего не видите, кроме своей чернильницы, – сердито огрызнулся Скарабей.

– Коллеги, коллеги!.. – примирительно вмешалось Привидение с провалившимися щеками, замотанное в длинный белый балахон. – Не будем переходить на личности! Это лишено смысла. И главное, не говорите так громко!

Подобные разговоры возникали то тут, то там – во всех концах Тронного Зала. Быть может, вам покажется странным, что такие разные существа вообще могут объясняться друг с другом. Но почти все твари, населяющие Фантазию, в том числе и звери, знали по меньшей мере два языка: свой собственный – на нём они разговаривали со своими соплеменниками, и его не понимали те, кто принадлежал к другим родам, – и общий язык, который называли Высоким Языком Фантазии, или просто Великим Языком. Им владели все жители Фантазии, хотя некоторые и говорили на нём с сильным акцентом.

Вдруг в Зале воцарилась гробовая тишина, и все взоры обратились к большой двустворчатой двери: она распахнулась, и в Зал вошёл Цайрон, прославленный, легендарный мастер врачевания.

Он был из тех, кого в старину называли кентаврами – с головы до пояса он выглядел как человек, а книзу от пояса – как лошадь. Цайрон происходил из семейства Чёрных Кентавров. Он прибыл сюда из очень отдалённой области, расположенной на крайнем юге. Его человеческая часть была цвета чёрного дерева, а белые как лунь волосы и борода мелко вились. Лошадиная часть его тела была полосатой, как у зебры. На голове его красовалась странная, сплетённая из камыша шляпа, а на шее висела цепочка с большим золотым амулетом, на котором были выгравированы две переплетённых змеи – светлая и тёмная; вцепившись друг другу в хвост, они образовывали овал.

Бастиан от изумления перестал читать. Он захлопнул книгу, не забыв заложить палец между страницами, и внимательно оглядел переплёт. Ведь на нём тоже были изображены две змеи, вцепившиеся друг другу в хвост и образовавшие овал. Что мог означать этот странный овал?

А вот в Фантазии всякий знал этот символ. Он означал, что тот, у кого он на шее, выполняет особое поручение Девочки Королевы и может действовать от её имени, словно она сама тут лично присутствует.

Медальон этот обладал какой-то магической силой, хотя никто толком не знал, какой именно. Зато все знали, как он называется: ОРИН.

Многие даже боялись произносить это странное слово и называли его кто как: кто Знаком Власти, кто Амулетом, кто просто Блеском.

Выходит, и книга была украшена Знаком Девочки Королевы.

Шёпот пронёсся по Тронному Залу, послышались даже возгласы изумления. Ведь Знак Власти давно уже никому не доверялся.

Цайрон ударил несколько раз копытом в пол, требуя тишины, потом произнёс низким голосом:

– Друзья, не надо удивляться, что на мне ОРИН. Я получил его лишь на время, как доверенное лицо. Скоро я передам Блеск более достойному.

В зале вновь воцарилась мёртвая тишина.

– Я не намерен даже пытаться унять вашу боль красивыми словами, – продолжал Цайрон. – Мы оказались бессильными перед болезнью Девочки Королевы. Мы знаем лишь, что разрушение Фантазии началось одновременно с её болезнью. А больше не знаем ничего, не знаем даже, можно ли её спасти искусством врачевания.

Однако возможно – и я надеюсь, никто из вас не обидится, если я выскажу это открыто, – возможно, что мы, собравшиеся здесь, не обладаем всеми знаниями, всей премудростью. На этом, собственно, и основана моя последняя и единственная надежда... Надежда на то, что в нашей бескрайней Фантазии найдётся создание мудрее нас всех и оно-то даст нам совет и

окажет помощь. Однако уверенности у меня в этом нет, да её, по-моему, и быть не может. Одно, во всяком случае, ясно: в чём бы ни заключалось наше возможное спасение, на поиски его должен отправиться такой путник, которому под силу открыть дорогу в неведомое, который не отступит ни перед опасностью, ни перед тяжкими испытаниями. Одним словом, нужен герой. И Девочка Королева назвала мне имя этого героя. Только ему одному доверяет она свою и нашу судьбу. Его зовут Атрейю, и живёт он в Травяном Море, что за Серебряными Горами. Ему я и передам ОРИН и благословлю его на Великий Поиск. Теперь вы знаете всё.

Сказав это, старый Кентавр, цокая копытами по мраморному полу, покинул Тронный Зал.

Собравшиеся в смятении глядели друг на друга.

– Как имя этого героя? – громко спросил кто-то.

– Атрейю или что-то в этом роде...

– Никогда не слышал...

И все четыреста девяносто девять врачей сокрушённо покачали головой.

Башенные часы пробили десять. Бастиан удивился, как быстро бежит время. А ведь там внизу, в классе, каждый урок казался ему вечностью. Сейчас у них история. Её преподаёт господин Дрон – тощий как жердь и всегда в дурном настроении. Больше всего он любит публично высмеивать Бастиана за то, что тот никак не может запомнить годы битв и даты рождения и царствования разных исторических личностей.

Травяное Море, что лежит за Серебряными Горами, находилось на расстоянии многих дней пути от Башни Слоновой Кости. Эта бескрайняя равнина и в самом деле походила на море – на ней росла сочная трава высотой в человеческий рост, и, когда дул ветер, она вздымалась волнами и гудела, как море в часы прибою.

Людей, населяющих эту равнину, звали Травяными или Зеленокожими. У них были иссиня-чёрные длинные волосы, даже у мужчин иногда заплетённые в косы, а их кожа была цвета маслин – тёмно-зелёная с коричневым отливом. Они вели спартанский образ жизни, строгий и суровый, а в детях, не только в мальчиках, но и в девочках, воспитывали храбрость, великодушие и решимость. С ранних лет Зеленокожие учили детей переносить холод, жару, любые лишения и во всём этом проявлять мужество. Это было необходимо, потому что Зеленокожие жили охотой. Всё, что нужно для жизни, они добывали, обрабатывая жёсткую волокнистую траву и охотясь на красных буйволов, которые огромными стадами бродили по Травяному Морю.

Эти красные буйволы были раза в два крупнее наших быков и коров, их пурпурно-красная длинная блестящая шерсть отличалась особой шелковистостью, а их могучие остроконечные рога разили, как кинжалы. Обычно красные буйволы бывали настроены миролюбиво, но стоило им почуять опасность или заметить, что на них кто-то хочет напасть, как они становились настоящим стихийным бедствием. Никто, кроме Зеленокожих, никогда не отважился бы охотиться на красных буйволов, хотя вооружены они были только луком и стрелами. Они сражались с этими буйволами по всем правилам рыцарских турниров, и потому нередко случалось, что не животных, а охотников в этом поединке ожидала смерть. Зеленокожие люди уважали и чтили пурпурно-красных буйволов и считали, что право их убивать имеет лишь тот, кто готов за это поплатиться жизнью.

До их страны ещё не дошла весть о болезни Девочки Королевы и о великом несчастье, грозившем обрушиться на Фантазию. Уже давно ни один путник не проезжал через селение Зеленокожих. Трава в этом году была сочнее, чем когда-либо раньше, дни стояли ясные, а в ночном небе сверкали яркие звёзды. Ничто не предвещало беды.

Но вот в один прекрасный день в селении появился седобородый Чёрный Кентавр. Его шерсть лоснилась от пота, он выглядел смертельно усталым, а изнурённое лицо его поражало худобой. На голове у него красовалась странная шляпа из камыша, а на шее висел на цепочке большой золотой Амулет. Нетрудно догадаться, что это был Цайрон.

Старый Кентавр остановился посреди большой площади, вокруг которой расширяющимися кругами располагались шатры. Это было место сходов старейшин, а по праздникам зеленокожий народ плясал и пел здесь старинные песни. Кентавр огляделся: его окружили одни только старики и старухи, да малые дети с любопытством его разглядывали. Он несколько раз нетерпеливо ударил копытом в землю и фыркнул:

– А где охотники?

Затем снял шляпу и отёр лицо ладонью.

– На охоте, – ответила ему седая женщина с младенцем на руках. – Они вернутся только через три или четыре дня.

– Атрейо с ними? – спросил Кентавр.

– Да, чужестранец, но откуда ты его знаешь?

– Я его не знаю. Пошлите за ним, и поскорее.

– Чужестранец, – промолвил старик, опиравшийся на палку, – он не захочет прийти, потому что сегодня ЕГО охота. Она начнётся с заходом солнца. Знаешь ли ты, что это значит?

Цайрон потряхнул гривой и снова ударил в землю копытом.

– Я этого не знаю, да это и не имеет никакого значения, потому что его ждёт более важное дело. Вы, конечно, узнали Амулет у меня на шее? Так приведите ко мне Атрейо!

– Мы видим Знак Власти, – сказала девчушка, – значит, ты пришёл от Девочки Королевы. Но кто ты такой?

– Меня зовут Цайрон, – ответил Кентавр. – Целитель Цайрон, если вам это что-нибудь говорит.

– Да, это он! – воскликнула сторбленная старуха, проталкиваясь вперёд. – Я его узнала. Я, помню, видела его, когда была ещё совсем молоденькой. Он самый знаменитый и великий врач во всей Фантазии!

– Спасибо, женщина, – сказал Кентавр и кивнул ей. – А теперь, может, кто-нибудь из вас всё-таки будет так любезен и позовёт наконец этого Атрейо? Дело не терпит промедления. Речь идёт о жизни Девочки Королевы.

– Я сейчас сбегая за ним! – крикнула малышка лет шести.

И бросилась бежать со всех ног, а через несколько минут уже пронеслась между шатрами на неосёдланном коне.

– Наконец-то! – воскликнул Цайрон и в изнеможении рухнул на землю.

Когда он пришёл в себя, то сначала не понял, где находится, потому что вокруг было темно. Лишь приглядевшись, он обнаружил, что лежит в просторном шатре на мягкой звериной шкуре. Должно быть, уже опустилась ночь – сквозь неплотно задёрнутый полог он увидел отсвет догорающего костра.

– О, трижды бесценный гвоздь моей подковы! – воскликнул он, пытаясь подняться. – Но долго ли я здесь лежал?

В шатёр просунулась чья-то голова и тут же исчезла, потом кто-то прошептал:

– Похоже, очнулся...

Полог откинули, и в шатёр вошёл мальчик лет десяти. На нём были длинные штаны и башмаки из сыромятной кожи. Торс его был обнажён, и лишь с плеч спадал до самых пят пурпурный плащ, как видно сотканный из шерсти буйвола. Его длинные иссиня-чёрные волосы были собраны на затылке и стянуты кожаным ремешком. Лоб и щёки мальчика цвета спелой оливы украшал простой орнамент, нанесённый белой краской. Он глядел на Кентавра. Тёмные глаза его сверкали гневом, но лицо было непроницаемо.

– Что тебе надо от меня, чужестранец? – спросил он. – Почему ты оказался в моём шатре? Почему ты отнял у меня охоту? Если бы я убил сегодня большого буйвола – а стрела уже лежала на тетиве моего лука, когда ты меня позвал, – завтра я был бы удостоен звания Охотника. А теперь мне придётся ждать целый год. Почему ты так поступил?

Старый Кентавр смотрел на него в недоумении.

– Не хочешь ли ты сказать, что ты и есть Атрейю?

– Да, чужестранец.

– А нет ли здесь другого, взрослого опытного охотника, которого зовут этим именем?

– Нет, только меня зовут Атрейю.

Старый Цайрон снова опустился на шкуру и прошептал, тяжело дыша:

– Ребёнок! Маленький мальчик! Веления Девочки Королевы и вправду непостижимы.

Атрейю стоял неподвижно и молча ждал.

– Прости меня, Атрейю, – сказал Цайрон, с трудом подавляя своё волнение. – Я вовсе не хотел тебя обидеть, но твой возраст оказался для меня столь неожиданным, что, честно говоря, я не могу прийти в себя от изумления. Я просто не знаю, что и думать! Я всерьёз задаю себе вопрос: знала ли Девочка Королева, что она делает, когда её выбор пал на такого ребёнка, как ты? Это же сущее безумие! Но если это её сознательная воля... то... то...

Он с силой потряхнул головой.

– Нет!.. Нет!.. Знал бы я, к кому она меня посылает, я наотрез отказался бы передать тебе её поручение. Отказался бы, и всё тут!

– Какое поручение? – спросил Атрейю.

– Просто чушь какая-то! – вскричал Цайрон, не в силах больше скрывать свои чувства. – Выполнить её поручение вряд ли смог бы самый великий, самый многоопытный герой, но ты... Ведь она посылает тебя «туда, не знаю куда» искать «то, не знаю что». Никто не сможет тебе ни помочь, ни посоветовать, никому не дано предвидеть, что с тобой случится на этом пути, какие тебе предстоят испытания... И тем не менее ты должен решить сразу, не сходя с места, и сказать мне, принимаешь ты это задание или нет. Больше нельзя терять ни секунды. Я скакал десять дней и десять ночей, почти без передышки, чтобы тебя разыскать... О, теперь мне кажется – лучше бы я погиб в пути. Я так стар, силы мои на исходе... Дай мне, пожалуйста, глоток воды!

Атрейю принёс кувшин свежей ключевой воды. Кентавр стал пить жадно, большими глотками, потом отёр бороду и немного успокоился.

– Спасибо, я попил и чувствую себя лучше... Послушай, Атрейю, ты вовсе не обязан принимать это поручение. Девочка Королева не приказывает тебе, а лишь просит решить, возьмёшься ли ты за него. Я вернусь, объясню ей всё, и она наверняка найдёт кого-нибудь другого. Быть может, она просто не знает, что ты ещё совсем маленький мальчик. Она тебя, видно, с кем-то спутала... Иначе не объяснишь.

– А что за поручение?

– Найти средство вылечить Девочку Королеву, – ответил старый Кентавр, – и спасти Фантазию.

– Разве она больна? – удивился Атрейю.

Тогда Цайрон рассказал ему, что случилось с Девочкой Королевой и с какими ужасными вестями прибыли посланцы со всех концов Фантазии. Атрейю задавал всё новые и новые вопросы, Кентавр отвечал на них как мог. Это был долгий-долгий ночной разговор. И чем лучше Атрейю представлял себе, как велика беда, обрушившаяся на Фантазию, тем яснее на его прежде замкнутом лице проступало выражение растерянности и смятения.

– И обо всём этом я ничего не знал, – пробормотал он, с трудом разжимая побелевшие губы.

Сурово насупившись, Цайрон серьёзно и озабоченно глядел на мальчика из-под седых мохнатых бровей.

– Зато теперь ты знаешь всё. Неудивительно, что я был потрясён, увидев тебя. Но Девочка Королева назвала твоё имя и ничьё другое. «Отправляйся в путь, – приказала она мне, – и разыщи Атрейю. Только на него одного я возлагаю все надежды. Спроси, готов ли он на Великий Поиск ради меня и ради судьбы Фантазии». Так она сказала. Мне неизвестно, почему её выбор пал именно на тебя. Быть может, только маленький мальчик вроде тебя и может справиться с такой невыносимой задачей. Как знать... Но я тут бессилен и не могу тебе ничего посоветовать.

Атрейю сидел, низко опустив голову, и молчал. Он понимал, что это испытание куда более серьёзное, чем охота на красного буйвола. Даже самому великому охотнику и лучшему следопыту оно могло бы оказаться не под силу. А ему и подавно.

– Ну, – после долгого молчания тихо спросил старый Кентавр. – Ты готов?

Атрейю поднял голову и поглядел ему в глаза.

– Готов, – сказал он твёрдо.

Цайрон кивнул, снял с себя золотой Амулет и надел его на шею Атрейю.

– ОРИН даст тебе великую власть, – сказал он торжественно, – но ты не должен ею пользоваться. Ведь и Девочка Королева никогда не пользуется своей властью. ОРИН будет тебя вести и защищать, но сам ты не должен ни во что вмешиваться, что бы ни увидел. Ибо отныне, с этой минуты, твоё личное мнение уже равным счётом ничего не значит. Поэтому ты и отправишься в путь без оружия. Не мешай свершаться тому, что свершается. Ты должен бесстрастно взирать на добро и зло, на красоту и уродство, на мудрость и глупость, всё это для тебя отныне едино, как оно едино в глазах Девочки Королевы. Ты можешь только искать и спрашивать, но ни о чём не судить по своему разумению. Никогда не забывай об этом, Атрейю.

– ОРИН! – почтительно прошептал мальчик. – Я хочу оказаться достойным Знака Власти. Когда мне отправляться в путь?

– Немедленно, – ответил Цайрон. – Никто не знает, сколько продлится твой Великий Поиск. Возможно, что важен каждый час... Попрощайся с родителями, братьями, сёстрами и иди.

– У меня никого нет, – ответил Атрейю. – Моих родителей растоптал буйвол вскоре после моего рождения.

– Кто же тебя воспитал?

– Все женщины и мужчины нашего племени. Поэтому они и называли меня Атрейю. В переводе на Великий Язык это значит: «Сын всех».

Никто не мог бы понять это лучше Бастиана, хотя отец его, как мы знаем, был жив. А вот у Атрейю не было ни отца, ни матери. Зато Атрейю был воспитан всеми мужчинами и женщинами племени, он был «Сыном всех», тогда как у него, у Бастиана, и вправду не было никого, и был он, по сути, «Ничьим сыном». И всё же Бастиан был рад, что, пусть хоть в этом, у него нашлось что-то общее с Атрейю, потому что во всём другом он совсем на него не походил: он не обладал ни его мужеством, ни его решимостью, да и обликом был совсем другой. Но теперь и Бастиан ступил на тропу Великого Поиска и тоже не знал, куда она его приведёт и чем всё это кончится.

– Тогда отправляйся, ни с кем не простившись, – сказал старый Кентавр. – Я останусь здесь и всё им объясню.

Лицо Атрейю, казалось, стало ещё темнее и жёстче.

– Откуда мне начать Поиск? – спросил мальчик.

– Отовсюду и ниоткуда, – ответил Кентавр. – Отныне ты один, и никто не может давать тебе советы. И так будет до конца Великого Поиска, чем бы он ни закончился.

Атрейю кивнул.

– Прощай, Цайрон!

– Прощай, Атрейю! Удачи тебе.

Мальчик повернулся, чтобы выйти из шатра, но Кентавр окликнул его. Когда они оказались лицом к лицу, старик положил мальчику руки на плечи, поглядел ему в глаза, улыбнулся и медленно произнёс:

– Мне кажется, я начинаю понимать, почему выбор Девочки Королевы пал на тебя, Атрейю.

Мальчик чуть наклонил голову, потом быстро вышел.

Перед шатром стоял его конь Артакс – в яблоках, коротконогий и малорослый, как дикая лошадь, но не было в тех краях коня быстрее его и выносливей. Скакун стоял взнузданный, под седлом, как его оставил Атрейю, когда примчался с охоты.

– Артакс, – прошептал мальчик и потрепал коня по шее, – нам пора в путь. В далёкий-далёкий путь. Никто не знает, когда мы вернёмся, да и вернёмся ли вообще.

Конь склонил голову и тихо фыркнул.

– Да, Господин, – сказал он. – А как же твоя охота?

– Мы отправляемся на куда более важную охоту, – ответил Атрейю и вскочил в седло.

– Стой, – фыркнул Артакс, – ты забыл взять оружие... Мы что, едем без лука и стрел?

– Да, – ответил Атрейю. – Видишь, у меня на шее Знак Власти? Мне нельзя быть вооружённым.

– И-го-го! – заржал конь. – А куда мы поскачем?

– Куда хочешь, Артакс, – ответил Атрейю. – С этого мгновения мы с тобою в Великом Поиске.

Они ускакали, и ночная тьма поглотила их.

А в это время совсем в другой стороне Фантазии происходило то, о чём не имели понятия не только Атрейю и Артакс, но даже и сам Цайрон.

Далеко-далеко, на пустоши, ночная мгла постепенно собралась в громадный сгусток тьмы, похожей на тень. Казалось, что мгла, всё больше сгущаясь, превращается в могучую чёрную фигуру, различимую даже в этой крошечной тьме. Очертания фигуры не стали ещё чёткими, но было видно, что она стоит на четырёх лапах, а в глазах на огромной лохматой башке вспыхивает зелёное пламя. Тварь эта подняла морду вверх и застыла, будто к чему-то принюхиваясь. Так она стояла долго-долго, но в конце концов всё же учуяла след, потому что издала вдруг громогласный, торжествующий клич.

И тут же она сорвалась с места и помчалась. Длинными прыжками, бесшумная, как тень, неслась эта чёрная громадина в ночи, не освещённой даже звёздами.

На башенных часах пробило одиннадцать. Началась большая перемена. До Бастиана донеслись снизу из коридора крики ребят, выбегающих на школьный двор. Он всё ещё сидел на спортивных матах, поджав ноги, и тут вдруг почувствовал, что отсидел их. Да уж, кем-кем, а индейцем он не был! Он встал, вынул из сумки бутерброд и яблоко и начал тихонько бродить по чердаку взад и вперёд. Пятки закололо тысячами иголок, боль постепенно стихала, ноги начали отходить.

Бастиан взобрался на «козла» и уселся верхом. Он представил себе, что он – Атрейю и скачет в ночной тьме на Артаксе. Он подался вперёд, как бы прижимаясь к шее своего коня.

– Но-о, Артакс! Но-о! Скачи!..

Но тут же он перепугался. Ведь громко кричать было так неосторожно. А вдруг его кто-нибудь услышал? Некоторое время он в страхе прислушивался к звукам внизу, однако ничего, кроме многоголосого крика во дворе, до него не долетало.

Бастиян в смущении слез с «козла». Право же, он ведёт себя как ребёнок.

Он развернул бутерброд и стал тереть яблоко о штаны, пока оно не заблестело, как полированное. Он готов был уже впиться в него зубами, но тут вдруг опомнился.

– Нет, – сказал он вслух самому себе. – Еду надо беречь. Кто знает, сколько ещё дней придётся обходиться этим запасом.

С тяжёлым сердцем завернул он бутерброд в бумагу и вместе с яблоком сунул в сумку. Горько вздохнув, он сел на маты и снова взялся за книгу.

III. Древняя Морла

Как только затих топот коня, на котором ускакал Атрейю, старый Чёрный Кентавр снова рухнул на мягкие шкуры. Силы его были исчерпаны. Женщины, увидав его утром в палатке Атрейю, испугались за его жизнь. Когда через несколько дней вернулись охотники, Цайрон, хоть и был ещё очень слаб, смог всё же им объяснить, почему Атрейю отправился в путь. И все поняли, что вряд ли он скоро возвратится назад. Мальчика любили, и охотники не на шутку встревожились. Но в то же время они гордились, что Девочка Королева послала на Великий Поиск их сына Атрейю, хотя и не вполне понимали её выбор.

К слову сказать, старый Цайрон так и не вернулся в Башню Слоновой Кости. Но он не умер и не остался жить с Зеленокожими в Травяном Море. Судьба повела его по иной, совсем неожиданной дороге. Впрочем, это уже совсем другая история, и её мы расскажем как-нибудь в другой раз.

Что же до Атрейю, то в ту ночь он доскакал до подножия Серебряных Гор, но лишь под утро сделал привал. Артакс вдоволь напился из прозрачного горного ручья и немного пощипал травку на лужайке, а Атрейю, завернувшись в красный плащ, поспал часа два-три, не больше – восход солнца застал их уже снова в пути.

За этот день они доскакали до перевала. Каждая дорожка, каждая тропинка в Серебряных Горах была им обоим хорошо знакома, и они быстро продвигались вверх. Когда мальчик проголодался, он съел кусок вяленого мяса буйвола и две маленькие лепёшки из толчёных семян травы. Всё это лежало в торбе, притороченной к седлу, – еда, взятая с собой на охоту.

– Ну вот, – обрадовался Бастиан, – человек в самом деле должен время от времени что-то есть.

Он снова вынул свёрток с бутербродом, развернул бумагу, аккуратно разломил бутерброд пополам, одну половину тут же завернул и убрал, а другую съел.

Судя по наступившей тишине, большая перемена кончилась. «Какой же сейчас будет урок? – припоминал Бастиан. – Ну да, конечно, география, её преподаёт госпожа Карге. Ей надо называть реки и их притоки, города и количество жителей в них, ископаемые и отрасли промышленности». Бастиан пожал плечами и снова углубился в чтение.

Они спустились с Серебряных Гор к заходу солнца и снова устроили привал. В эту ночь Атрейю снились пурпурно-красные буйволы. Он видел издалика, как они пасутся в Травяном Море, и пытался приблизиться к ним на своём коне, но тщетно. Как ни погонял он Артакса, буйволы паслись всё на том же расстоянии от них.

На другой день они уже скакали по стране Поющих Деревьев. Все деревья здесь выглядели по-разному, у них были разные листья, разная кора, а называли так эту страну потому, что здесь было слышно, как деревья растут, – от каждого дерева неслись сладчайшие звуки, они сливались в гармоничную мелодию, и музыка эта по силе и красоте не знала себе равной во всей Фантазии. Путешествовать по этой стране считалось небезопасным: многие путники, зачарованные музыкой, забывали обо всём на свете и оставались там навсегда. Атрейю тоже почувствовал великую силу этих волшебных созвучий, но он не дал себя околдовать и не остановился.

На следующую ночь ему снова снились пурпурно-красные буйволы. Он шёл пешком, а они брели огромным стадом в высокой траве. Но они были так далеко от Атрейю, что стрелы не могли бы до них долететь. Он хотел было к ним приблизиться, но оказалось, что ноги его вросли в землю и он не в силах сдвинуться с места. Он сделал огромное усилие, чтобы выта-

щить их из земли, и от этого проснулся. И хотя солнце ещё не взошло, он вскочил и тут же двинулся в путь.

На третий день пути Атрейю увидел стеклянные башни Эрибо. Жители этого города улавливают ими свет далёких звёзд и в них же его и хранят. Из света они делают на редкость изящные вещицы, но во всей Фантазии никто, кроме мастеров-аборигенов, не знает их назначения.

Атрейю даже встретил нескольких местных жителей. Это были маленькие создания, казалось, их самих выдули из света. Они приняли мальчика с исключительным радушием, снабдили едой и питьём, однако, когда он спросил, известно ли здесь что-нибудь о причине болезни Девочки Королевы, все разом умолкли, выражая этим свою печаль и беспомощность.

В ночь, наступившую за этим днём, Атрейю снова приснилось стадо бредущих в траве буйволов. Он видел, как один из них, самый крупный и статный, отделился от стада и безо всяких признаков страха или гнева двинулся на него. Как и у всех настоящих охотников, у Атрейю был дар сразу увидеть, куда надо попасть, чтобы наверняка уложить добычу. Бык повернулся так, что целиться в него было удобно. Атрейю вложил стрелу в лук и изо всех сил натянул тетиву, но спустить не смог. Его пальцы словно приросли к тетиве, и он был не в силах их оторвать.

Нечто подобное снилось ему и во все следующие ночи. Всякий раз он подходил к буйволу всё ближе и ближе – и это был тот самый буйвол, которого он собирался убить на той несостоявшейся охоте, он узнавал его по белому пятну на лбу, – но опять по какой-то причине не мог выпустить смертоносную стрелу.

Дни напролёт Атрейю скакал всё дальше и дальше, так и не зная, куда он скачет, и не встречая в пути никого, кто бы мог ему хоть что-нибудь подсказать. Золотой Амулет, висевший у него на шее, вызывал у всех, к кому он обращался, большое уважение, но ни один из встреченных не знал ответа на вопросы мальчика.

Как-то раз он увидел издали пылающие улицы города Броуш, населённого созданиями, тела которых были сотканы из огня. Но Атрейю решил, что разумнее туда не заезжать. Потом он пересёк плоскогорье, где жили сазафранцы, – они рождались стариками и умирали, достигнув младенческого возраста. Он посетил затерявшийся в реликтовом лесу храм Муамат – опорный столб его, вытесанный из лунного камня, парил в воздухе. Он беседовал с живущими там монахами, но и они не смогли дать ему путеводную нить.

Почти целую неделю скакал Атрейю куда глаза глядят, и вот на седьмой день его странствий и в последовавшую за ним ночь произошли два события, которые вдруг изменили его положение.

Рассказы старого Цайрона о страшной беде, которая обрушилась на разные области Фантазии, конечно, произвели на Атрейю очень сильное впечатление, но всё это было не больше чем жуткий рассказ. А вот на седьмой день пути он увидел эту беду своими глазами.

Время близилось к полудню, когда Атрейю въехал в густой, тёмный лес – огромные дубы с узловатыми стволами стояли перед ним стеной. Это был тот самый лес, где совсем недавно встретились уже знакомые нам четверо посланцев. В этих местах, как приходилось слышать Атрейю, обитают Дубовые Тролли, огромные существа, похожие на дубовые стволы. Когда они, по своему обыкновению, неподвижно застывают на месте, их и в самом деле легко принять за деревья и, ничего не подозревая, проехать мимо. Только если Дубовые Тролли начинают двигаться, можно различить их руки, похожие на корявые суки, и кривые корнеобразные ноги. Силой они обладают огромной, но совсем не опасны. Выкинуть с заблудившимся путником какую-нибудь безобидную шутку – вот самое худшее, на что они способны.

Атрейю как раз приглядел зелёную лужайку, по которой змеился ручеёк, и спешил, чтобы Артакс мог напиться и немного попастись. И тут он услышал страшный хруст и треск веток. Он обернулся.

Из лесной чащи к нему шли три Дубовых Тролля. Атрейю взглянул на них, и его прошиб холодный пот. У первого Тролля не хватало нижней части туловища и ног, так что ему приходилось ходить на руках, как акробату. У второго была огромная сквозная дыра в груди. А третий скакал на правой ноге – у него отсутствовала вся левая половина. Казалось, его распилили пополам сверху донизу.

Увидев на шее у Атрейю Амулет, они переглянулись и медленно подошли поближе.

– Не пугайся, – сказал тот, что шёл на руках, и голос его прозвучал как скрип старого дуба, когда бушует ветер. – Наш вид, наверно, не очень-то приятен, но в этой части леса, кроме нас, никто не мог бы тебя предостеречь... Вот мы и пришли.

– Предостеречь? – переспросил Атрейю.

– Мы о тебе слыхали, – прошелестел Тролль с дырой в груди, – нам рассказывали, почему ты в пути. Тебе нельзя углубляться в этот лес, здесь ты погибнешь...

– С тобой случится то, что случилось с нами, – охнул распиленный пополам. – Погляди на нас. Хочешь стать таким?

– А что с вами случилось?

– НИЧТО расплывается всё шире и шире, – простонал первый. – Оно растёт с каждым днём, если вообще про НИЧТО можно сказать, что оно растёт. Все, кто жил в этом лесу, вовремя удрали отсюда, а вот мы не захотели покидать свою родину. НИЧТО настигло нас, когда мы спали, и сделало с нами то, что ты видишь.

– Вам больно?

– Нет, – ответил Тролль с дырой в груди, – ничего не чувствуешь, просто нет какой-то части тебя, и всё. Но с каждым днём тот, с кем это случилось, всё уменьшается и уменьшается. Скоро от нас троих совсем ничего не останется. Мы исчезнем...

– Вы найдёте то место в лесу, где это началось?

– Ты хочешь его увидеть?

И третий Тролль, тот, что был всего лишь половинкой Тролля, вопросительно поглядел оставшимся глазом на своих товарищей по несчастью. Оба согласно кивнули, и тогда он сказал:

– Хорошо, мы проводим тебя, чтобы ты это увидел своими глазами, но обещай, что ты остановишься там, где мы тебе укажем. Не то тебя втянет в НИЧТО неодолимая сила.

– Хорошо, обещаю, – сказал Атрейю.

Тролли повернулись и двинулись к опушке леса, а Атрейю, взяв Артакса под уздцы, пошёл вслед за ними. Некоторое время они петляли между огромными дубами, а потом остановились возле гиганта с невиданно толстым стволом – пять рослых мужчин не смогли бы его обхватить.

– А ну-ка забирайся на него как можно выше и погляди сверху в ту сторону, где восходит солнце. Там ты увидишь НИЧТО. Вернее, ничего не увидишь.

Атрейю полез вверх по стволу, цепляясь за бугристую кору. Вот он достиг нижнего сука, схватился за ветку над ним, подтянулся, уцепился за следующую и так поднимался всё выше и выше, пока листва не заслонила ему землю. Но он продолжал карабкаться вверх, ствол становился всё тоньше и тоньше, а ветвей было всё больше и больше, и продвигаться вверх уже не составляло особого труда. Когда Атрейю наконец уселся на ветку почти на самой вершине дуба, он повернул голову туда, где восходит солнце, и увидел ЭТО.

Кроны самых ближних деревьев были зелёными, но листва тех, что росли чуть подальше, уже потеряла окраску и стала томительно-серой, а у тех, что стояли за ними, листья стали какими-то бесплотными, словно сотканными из тумана, точнее говоря, они как бы переставали существовать, растворяясь в воздухе. А за ними вообще ничего не было, абсолютно ничего. То, что увидел Атрейю, не было ни пустошью, ни чёрной тьмой, ни светом. Это было невыносимо для глаз – казалось, ты разом ослеп. Нет такого создания, глаза которого могли бы выдержать вид НИЧТО. Атрейю прижал ладони к лицу и чуть было не упал с ветки. Он вцепился в неё

изо всех сил и стал быстро спускаться. То, что он успел увидеть, было для него достаточно. Только теперь он по-настоящему понял, на какой ужас обречена Фантазия.

Когда он снова встал на землю у подножия гигантского дуба, Троллей там уже не было. Атрейю вскочил на своего коня и во весь опор поскакал прочь от этого НИЧТО, которое распространялось медленно, но неотвратно. Только когда совсем стемнело и дубовый лес остался далеко позади, остановился он на ночлег.

В ту ночь его ожидало ещё одно потрясение, и оно направило его Великий Поиск по новому пути. Ему снова приснился – на этот раз куда чётче, чем прежде, – тот самый большой пурпурно-красный буйвол, которого он собирался убить. Но теперь Атрейю стоял перед ним, не держа в руках ни лука, ни стрел. Он чувствовал себя совсем крошечным рядом с этим гигантом, а морда зверя заслоняла ему небо. И вдруг Атрейю услышал, что буйвол что-то говорит. Атрейю не всё разобрал, но тот сказал примерно вот что:

– Если бы ты тогда меня убил, ты был бы уже Охотником, но ты этого не сделал, и теперь я могу помочь тебе, Атрейю. Слушай! В Фантазии есть создание куда более древнее, чем все остальные. Далеко-далеко отсюда, на севере, лежат Болота Печали. Среди этих болот возвышается Роговая Гора, в ней живёт Древняя Морла. Найди её!..

И тут Атрейю проснулся...

Башенные часы пробили полдень. Одноклассники Бастиана сейчас пойдут на последний урок в физкультурный зал. Быть может, они будут играть, перекидывая друг другу большие тяжёлые набивные мячи. В этих упражнениях Бастиан был особенно неуклюж, и ни одна команда не хотела брать его к себе. А ещё на уроке играли иногда в салочки маленьким, твёрдым как камень мячиком, его старались кинуть изо всех сил, и, когда попадали, было ужасно больно, а в толстого Бастиана кидали чаще, чем в кого бы то ни было, потому что он был на редкость удобной мишенью. А может, они будут сегодня лазать по канату – это занятие было для Бастиана самым ненавистным. Когда большинство ребят находились уже на самом верху каната, у кольца, Бастиан, красный как рак, под улюлюканье всего класса беспомощно болтался, словно мешок с мукой, на нижнем конце и, как ни пытался, не в силах был подняться ни на полметра. А учитель физкультуры, господин Менге, не скупился на оскорбительные шуточки.

Да, много бы дал Бастиан, чтобы быть похожим на Атрейю. Тогда бы он всех их заткнул за пояс. И Бастиан тяжело вздохнул.

А Атрейю скакал на север, всё дальше и дальше на север. Он не давал роздыха ни себе, ни коню, разве только чтоб ненадолго сомкнуть веки или перекусить. Они скакали день и ночь, и в палящую жару, и в ливень, когда дул ураганный ветер и громыхала гроза. Он больше не глядел по сторонам и ни у кого ничего не спрашивал.

Чем дальше продвигался он на север, тем темнее становилось вокруг, дни были похожи на свинцово-серые сумерки, а по ночам небосвод озаряло северное сияние.

И вот однажды утром – в тусклой полумгле казалось, что время остановилось, – Атрейю, взобравшись на невысокий холм, увидел наконец Болота Печали. Над ними проплывали неровные полосы тумана, кое-где виднелись жалкие перелески, и у всех деревьев стволы в нижней части разделялись на четыре, пять, а то и больше тоненьких кривых стволиков, напоминавших ноги морских пауков, опущенные в чёрную болотную жижу. Из побуревшей кроны этих уродцев свисали, переплетаясь, тонкие воздушные корни, похожие на застывшие щупальца. Было невозможно определить, где здесь твёрдая почва, а где бездонная топь, прикрытая сверху водяными растениями и палыми листьями.

Артакс фыркал от ужаса:

– Нам туда непременно надо, Господин?

– Никуда не денешься, мы ведь должны найти в этих болотах Роговую Гору.

И он слегка отпустил повод, приглашая коня двинуться дальше. Конь послушался. Шаг за шагом Артакс прощупывал под копытами твёрдый грунт, но продвигались они очень медленно. В конце концов Атрейю пришлось спешиться, он перекинул повод и повёл Артакса за собой. Несколько раз конь проваливался в топь, правда, как-то ему удавалось выбраться. Но чем дальше шли они по Болотам Печали, тем замедленней становились его движения. Он опустил голову и едва передвигал ноги.

– Что с тобой, Артакс? – встревоженно спросил Атрейю.

– Сам не пойму, Господин мой, – ответил конь. – Но я думаю, мы должны вернуться. Всё это не имеет смысла. Мы ищем то, что тебе лишь приснилось во сне. Нам ничего не найти. Да, может, уже и поздно. Может, Девочка Королева уже умерла и всё, что мы делаем, бесполезно. Давай повернём назад, Господин.

– Я никогда не слыхал от тебя таких слов, Артакс, – удивился Атрейю. – Ты что, болен?

– Может быть. С каждым шагом растёт печаль в моём сердце. У меня нет больше надежды, Господин. И ноги стали тяжёлыми как гири. Боюсь, я не могу идти дальше...

– Надо! – воскликнул Атрейю. – Вперёд, Артакс!

Атрейю потянул его за повод, но конь не сдвинулся с места. Он был уже по брюхо в трясине и не делал никаких усилий, чтобы выбраться.

– Артакс! – крикнул Атрейю. – Взбодрись, слышишь! Пошли дальше! Ну постарайся, пожалуйста, иначе тебя засосёт!

– Оставь меня, Господин мой, – ответил конь, – мне с этим не справиться. Иди дальше один! И не думай обо мне!.. Я не в силах вынести эту печаль, я хочу умереть...

Атрейю в отчаянии тянул коня за повод, но тот всё глубже и глубже уходил в трясину. О нет, ему не выбраться... Когда над чёрной водой торчала лишь конская голова, мальчик обхватил её руками.

– Я крепко держу тебя, Артакс, – прошептал он, – я не дам тебе утонуть.

Конь тихонько заржал.

– Ты мне уже ничем не поможешь, мой Господин. Со мной всё кончено. Мы оба не знали, что нас здесь ждёт. А вот теперь мы знаем, почему эти болота зовутся Болотами Печали. Печаль повисла на мне тяжёлой гирей. Она тянет меня вниз, и я тону. Спасенья мне нет.

– Но я ведь тоже здесь и не чувствую ничего такого.

– У тебя Амулет, Господин мой, ты защищён.

– Сейчас я повешу его тебе на шею, может, он и тебя спасёт.

И Атрейю поднял руку, чтобы снять медальон.

– Нет, – твёрдо сказал конь, – ты не имеешь на это права. Знак Власти вручён тебе, и ты не можешь распоряжаться им по своей воле. Увы, придётся тебе продолжать Поиск без меня.

Атрейю прижался лицом к щеке коня.

– Артакс, – прошептал он, задыхаясь, – о мой Артакс!..

– Ты выполнишь мою последнюю просьбу, Господин мой?

Атрейю молча кивнул.

– Я прошу тебя, уйди. Я не хочу, чтобы ты видел мой конец, сделай это ради меня.

Атрейю медленно поднялся. Голова коня уже наполовину погрузилась в чёрную жижу.

– Удачи тебе, Атрейю, Господин мой, и спасибо...

Атрейю крепко стиснул губы, не в силах произнести ни слова. Он кивнул напоследок Артаксу, отвернулся и пошёл.

Бастиан всхлипывал. Это было сильнее его. Слёзы мешали ему читать, пришлось вытащить носовой платок и высморкаться. Он снова углубился в книгу.

Как долго Атрейю шагал вперёд, только вперёд, он и сам не знал. Он словно ослеп и оглох. Туман становился всё гуще, и у мальчика возникло чувство, что вот уже много часов подряд он ходит по замкнутому кругу. Он больше не нащупывал ногой твёрдый грунт, чтобы шагнуть, а ступал куда придётся и всё же ни разу не провалился в трясину выше колена. Каким-то таинственным образом талисман Девочки Королевы вёл его по верному пути.

И вдруг он оказался перед высоким, почти отвесным склоном. Карабкаясь по крутым отрогам скалы, он забрался наконец на круглую вершину. Сперва Атрейю даже не заметил, что это были за отроги, и, только оказавшись на самом верху и оглядев оттуда всю гору, он увидел, что это вовсе не скала, а как бы огромный черепаший панцирь с высокими роговыми выступами, в расщелинах которых растёт мох.

Значит, вот она – Роговая Гора! Всё-таки он её нашёл!

Однако никакой радости от этого Атрейю не испытал. После гибели верного Артакса всё ему стало как-то безразлично. Теперь надо было ещё узнать, кто эта Древняя Морла и где она обитает.

Пока Атрейю размышлял, что же ему делать, он вдруг почувствовал, что гора чуть-чуть вздрогнула, и услышал звук, напоминающий громкое чмокание или чавканье, а вслед за тем и голос, который словно доносился из глубочайших недр земли:

– Эге, по-моему, по нам кто-то ползает!

Атрейю метнулся в ту сторону, откуда послышался голос, но поскользнулся на влажном мху и покатился по склону. Ему никак не удавалось за что-нибудь уцепиться, он катился всё быстрее и быстрее и вдруг сорвался и кубарем полетел вниз. К счастью, он упал на крону дерева, росшего у подножия горы. Ветви его как бы поймали мальчика в свои объятия.

Прямо перед собой на склоне горы Атрейю увидел гигантскую пещеру, залитую чёрной водой. Вода колыхалась и выплёскивалась, потому что в глубине пещеры что-то двигалось и вот уже начало медленно вылезать. Оно напоминало огромный осколок скалы величиной с дом. Только когда оно совсем вылезло наружу, Атрейю сообразил, что это голова черепахи, сидящая на длинной морщинистой шее. Глаза её были как чёрные пруды, из пасти, заляпанной тиной, торчали водоросли. А вся эта Роговая Гора – вдруг осенило Атрейю – не что иное, как гигантских размеров панцирь болотной черепахи. Так вот она, Древняя Морла!

И снова раздался гулкий булькающий голос:

– Что тебе здесь надо, малыш?

Атрейю схватился за свой Амулет и поднял его вверх, чтобы в него упёрся взгляд огромных, как пруды, глаз черепахи.

– Знаешь ты, что это, Морла?

Она ответила не сразу.

– Гляди-ка, старуха, – ОРИН! Давненько мы его не видали, этот Знак Власти Девочки Королевы. Давненько!..

– Девочка Королева больна, – сказал Атрейю. – Ты это знаешь?

– А нам это всё равно, верно, старуха? – ответила Морла.

Таким странным образом она, видно, разговаривала сама с собой, может быть, потому, что больше ей не с кем было разговаривать невесть сколько лет.

– Если мы её не спасём, она умрёт, – настойчиво произнёс мальчик.

– Что ж поделаешь... Умрёт так умрёт, – ответила Морла.

– Но вместе с ней погибнет вся Фантазия! – закричал Атрейю. – НИЧТО расплывается всё шире и шире. Я сам это видел.

Морла глядела на него огромными пустыми глазами.

– А нам-то что? Верно, старуха? – пробулкала она.

– Но тогда мы все погибнем! – ещё громче крикнул Атрейю. – Все!

– Послушай, малыш, ну что нам до этого? Нам уже всё не важно, всё безразлично, всё.

– Но тогда и ты погибнешь, Морла! – гневно вскричал Атрейю. – Ты тоже!.. Может, ты возомнила, что раз ты такая старая, то переживёшь Фантазию?

– Послушай, малыш, – булкала Морла, – мы старые, слишком старые. Мы своё отжили. Слишком много видали. Кто столько знает, сколько мы, для того ничто уже не важно. Всё вечно повторяется. День сменяет ночь, лето – зиму, мир пуст и бессмыслен. Всё возвращается на круги своя. Всё сущее должно погибнуть, что рождается, должно умереть. Всё проходит: добро и зло, глупость и мудрость, красота и уродство. Всё пусто... всё тленно... всё неважно...

Атрейю не знал, что можно на это возразить. Взгляд огромных тёмных пустых глаз Древней Морлы парализовал его мысли.

Помолчав, она снова заговорила:

– Ты ещё очень молод, а мы старые. Если бы ты прожил столько, сколько мы, ты бы знал, что на свете нет ничего, кроме печали. Послушай, а почему бы нам и не умереть? Тебе, мне, Девочке Королеве, всем, всем?.. Всё ведь лишь видимость, игра в пустоте. Всё безразлично. Оставь нас в покое, малыш, уходи!..

Атрейю собрал всю свою волю, чтобы не поддаться оцепенению – его сковывал её взгляд.

– Если ты всё знаешь, – сказал он, – то, может быть, тебе известно, чем больна Девочка Королева и как её можно вылечить?

– Мы-то знаем, верно, старуха? – прошамкала она. – Но ведь неважно, спасут её или нет. Так зачем же нам говорить?

– Если тебе и вправду всё безразлично, – настаивал Атрейю, – то ты могла бы и сказать мне это.

– Конечно, мы могли бы и сказать, верно, старуха? – проскрипела Морла. – Но что-то нам неохота...

– Значит, тебе это вовсе не безразлично! – вскричал Атрейю. – Ты сама не веришь в то, что говоришь!

Черепаша долго не отвечала, а потом мальчик услышал какие-то хриплые булькающие звуки, какой-то клёкот. Должно быть, это было нечто подобное смеху, если предположить, что Древняя Морла ещё не разучилась смеяться. Когда эти звуки смолкли, она сказала:

– Ох и хитёр же ты, малыш! Гляди-ка! Ох и хитёр! Давно уж мы так не веселились, верно, старуха? Гляди-ка! И в самом деле, почему бы нам не сказать? Нам ведь без разницы. Ну что ж, скажем ему, старуха?

Молчание длилось очень долго. Атрейю с нетерпением ждал ответа Морлы, но не прерывал вопросами её медленный и горестный ход мыслей. Наконец она снова заговорила:

– Ты ещё не долго живёшь, малыш. А мы – долго. Слишком долго. Но все мы живём во времени. Ты – не долго, мы – долго. Девочка Королева уже существовала до меня. Но она не старая. Она вечно молодая. Так-то! Её жизнь зависит не от числа прожитых лет, а от её имени. Ей нужно дать новое имя. Находить всё новые имена. Ты знаешь, как её зовут?

– Нет, – ответил Атрейю, – я никогда не слышал её имени. Девочка Королева, и всё.

– Ты и не мог слышать, – ответила Древняя Морла. – Даже мы не можем его вспомнить. А она носила не одно имя, но все они забыты. Всё прошло, всё миновало. Так-то! Но без имени она не может жить. Девочке Королеве необходимо найти новое имя – тогда она выздоровеет. Но выздоровеет она или нет – это всё равно.

Морла прикрыла веками свои огромные, как пруды, глаза и начала медленно втягивать голову в панцирь.

– Подожди-подожди! – закричал Атрейю. – Как она получает имена? Кто может дать ей имя? Где мне найти это имя?

– Никто из нас, – просипела Морла, – ни одно создание Фантазии не может дать ей новое имя. Поэтому всё зря! Не огорчайся, малыш, всё это, право, не важно.

– А кто может дать ей новое имя? – не унимался Атрейю. – Кто может спасти её и всех нас?

– Ишь расшумелся, – булькнула Морла. – Оставь нас в покое, уходи восвояси. Мы сами не знаем, кто может.

– Если ты этого не знаешь... – Атрейю кричал всё громче, – то кто это может знать?

Морла ещё раз открыла глаза:

– Не будь на тебе Знака Власти, мы бы тебя сожрали, чтоб обрести покой. Так-то!

– Кто? – не отступал Атрейю. – Скажи мне, кто это знает? И я навеки оставлю тебя в покое!

– Не важно кто, – ответила она. – Быть может, Эйулала у Южного Оракула. Она, может, знает. А в общем-то, нам наплевать.

– Как мне туда добраться?

– Туда ты вообще не сможешь добраться. Так-то. Даже за десять тысяч дней. Твоя жизнь чересчур коротка. Ты умрёшь раньше, чем доберёшься. Слишком далеко. На юге. Слишком уж далеко – всё напрасно. Мы же сразу тебе сказали – верно, старуха? – брось, отступись, малыш. А главное, оставь нас в покое!

Черепаша закрыла глаза и втянула голову в пещеру. Атрейю понял: больше из неё не вытянешь ни слова.

В тот самый час тёмная Теневая Тварь, что ступила из ночной мглы над пустошью, учуяла след Атрейю и помчалась к Болотам Печали. Теперь уж никто и ничто в Фантазии не заставит её бросить этот след.

Бастиан подпёр голову рукой и, задумавшись, уставился в одну точку.

– Как странно, – сказал он вслух, – что ни одно создание Фантазии не в силах дать Девочке Королеве новое имя.

Если дело только за тем, чтобы придумать новое имя, Бастиан мог бы легко прийти ей на помощь. Уж в чём в чём, а в этом он был силён. Но, к сожалению, он был не в Фантазии, где его способности нашли бы себе применение, а может, даже завоевали бы ему всеобщую симпатию и уважение. И в то же время он радовался, что он не там, потому что в такую местность, как Болота Печали, он ни за что на свете не решился бы и ногой ступить. А тут ещё эта жуткая Теневая Тварь, которая преследует Атрейю, и он об этом даже не подозревает! Бастиану так хотелось предупредить Атрейю, но ведь это невозможно! И ему ничего другого не оставалось, как не терять надежды и читать дальше.

IV. Играмуль, Множество

Атрейю мучил голод и томила жажда. Вот уже два дня, как он, выбравшись из Болот Печали, шёл по Каменной Пустыне, в которой не было ничего живого. Тщетно шарил он между камнями, надеясь отыскать там хоть какой-нибудь корешок, но здесь ничего не росло – даже мох и лишайник.

Сперва он обрадовался, когда почувствовал под ногами твёрдую почву, но вскоре ему пришлось признаться себе, что положение его теперь ещё более безнадёжно. Он заблудился. Он не мог даже определить, где восток, где запад, так как сумрачное небо не давало ему на этот счёт никаких указаний. Холодный ветер неумоимо обдувал уступы скал, громоздившихся вокруг.

Каменные завалы то и дело преграждали путь, и он с трудом взбирался на них, потом, чуть не срываясь, спускался вниз, но его взору не открывалось, увы, ничего, кроме всё новых и новых уходящих к горизонту горных кряжей. И ничего живого: ни жучка, ни муравьишки, ни даже коршуна, который обычно кружит над заблудившимся путником, ожидая, что тот в конце концов рухнет на землю от изнеможения.

Атрейю уже не сомневался: он попал в край Мёртвых Гор. Мало кто решался сюда забрести, и едва ли кто-нибудь выбрался отсюда живым. Но в преданиях, которые Атрейю слышал у себя на родине, горы эти упоминались не раз. Он вспомнил строфу из одной старинной песни:

– Нет, охотник, те Болота
Лучше было б не пройти:
В том краю, где Горы Смерти,
Встретишь пропасть на пути.
Играмуль, гроза округи,
В ней живёт, меняя лики,
МНОЖЕСТВО ужасным роем,
Страх из Страхов, Страх Великий...

Но даже если бы Атрейю знал, куда надо идти, чтобы вернуться назад, это было бы уже невозможно. Он зашёл слишком далеко, и теперь ему ничего не оставалось, кроме как упорно продвигаться вперёд.

Будь его воля, он, скорее всего, залёг бы в какой-нибудь пещере и ждал там своего смертного часа. Так обычно поступали все настоящие охотники его племени. Но он вышел на Великий Поиск, и речь теперь шла не о его жизни, а о жизни Девочки Королевы и о судьбе всей Фантазии. Атрейю не имел права сдаваться.

И вот он шагал всё дальше и дальше, то поднимаясь вверх по склонам, то спускаясь вниз, пока не осознал, что давно уже бредёт как лунатик, а душа его витает где-то совсем в другом месте и лишь нехотя возвращается назад, в его тело.

Бастиан вздрогнул. Часы на башне пробили час. Занятия в школе окончились.

Бастиан прислушался к топоту и крику ребят: они выбегали из классов и со всех ног неслись по коридорам к выходу. Потом до него долетел стук обуви по ступеням лестницы, снова выкрики, но уже с улицы, и наконец в здании школы воцарилась тишина.

Эта тишина накрыла Бастиана, словно пушистое, нетяжёлое одеяло, под которым, как ему показалось, так легко задохнуться. С этой минуты он будет

совсем один в огромном школьном здании – весь остаток дня, до вечера, а потом и всю ночь, которая протянется бесконечно долго. Да, с этой минуты жизнь его принимала совсем другой, серьёзный оборот.

Ребята разошлись по домам обедать. Бастиан же не только проголодался, но и продрог до мозга костей, несмотря на солдатские одеяла, в которые укутался. Он вдруг потерял всё своё мужество и считал теперь свой план просто безумным или уж во всяком случае полной бессмыслицей. Ах, как ему захотелось домой! Прямо сейчас! Немедленно! Он вернулся бы как раз вовремя. До сих пор ведь отец не мог ещё ничего заподозрить, и Бастиану не пришлось бы даже признаваться в том, что он прогулял школу. Конечно, со временем отец всё равно что-нибудь да узнает, но пока опасаться нечего. А как быть с украденной книгой? Да, тут никуда не денешься, рано или поздно ему придётся повиниться. Но в конце концов отец простит ему и этот грех, как мирится со всеми разочарованиями, которые доставляет ему сын. Бояться сейчас отца оснований не было. Скорее всего, он, ни слова ни говоря, отправится к господину Кореандеру и как-нибудь всё уладит.

Бастиан схватил книгу в медно-красном переплёте, чтобы сунуть её в портфель, но вдруг замер.

– Нет, – сказал он вслух, нарушив глухую тишину чердака. – Атрейю не сдался бы так быстро только из-за того, что стало трудно. Я зашёл уже слишком далеко, чтобы повернуть назад. Нет!.. Я могу идти только вперёд. Вперёд, что бы ни случилось.

Он чувствовал себя очень одиноким, но к этому чувству примешивалось и что-то иное – вроде бы гордость за то, что ему удалось проявить силу духа и не поддаться искушению спастись. Пусть пока совсем немного, но чем-то он всё же стал похож на Атрейю!

Атрейю шёл не останавливаясь, пока и вправду уже не смог сделать следующего шага: перед ним зияла пропасть.

Ужас от того, что он увидел, нельзя описать словами. Край Мёртвых Гор пересекала расщелина шириной не менее чем в полмили и такой глубины, что и представить себе невозможно.

Атрейю подполз к выступу скалы над пропастью и поглядел туда, в бездонную темноту, – казалось, расщелина доходила до самого центра земли. Он поднял валявшийся рядом камень величиной с человеческую голову и кинул вниз. Камень всё падал, и падал, и падал, пока его не поглотила тьма. Атрейю прислушался и ждал, но так и не смог уловить звука удара камня о дно пропасти.

И тогда он принял единственно возможное решение: он пошёл вдоль края расщелины, каждое мгновение ожидая встречи со Страхом из Страхов, о котором пелось в той песне. Он не знал, что это за существо, знал только, что зовут его Играмуль.

Бездонная пропасть зигзагообразно раздирала Каменную Пустыню, и, конечно, никакой тропинки по её краю не было: то тут, то там высились нагромождения валунов, на которые Атрейю приходилось взбираться, и часто они под ним зловеще раскачивались; ему приходилось обходить огромные глыбы, лежащие на пути, шагать по осыпям щебня, и, как только на них опиралась его нога, они начинали сползать в пропасть – несколько раз он оказывался всего на расстоянии ступни от края расщелины.

Знай Атрейю, что за ним по пятам давно уже идёт преследователь, приближаясь с каждым часом, он, может, и совершил бы какой-нибудь безрассудный поступок, за который ему пришлось бы ещё здорово поплатиться на своём и без того трудном пути. Ведь это была та самая Теневая Тварь из Тьмы, что давно уже за ним охотилась. За это время Тень так уплотнилась, что стали чётко видны её очертания. Она походила теперь на чёрного как вороново крыло

волка величиной с быка. Опустив морду, чтобы не терять след, пригнувшись, Волк трюсил по Каменной Пустыне у подножия Мёртвых Гор вслед за Атрейю. Язык свисал из его полураскрытой пасти, а когда он ощеривался, видны были его ужасающие клыки. Он уже учуял, что всего лишь несколько миль отделяет его от жертвы. И расстояние это всё сокращалось.

Но Атрейю, не подозревая об опасности, осторожно и не спеша выбирал путь.

Когда он полз по пещере, которая, словно узкий туннель, вела сквозь скалистый массив, до него вдруг донёлся оглушительный рёв. Происхождение его он не мог себе объяснить, потому что рёв этот не походил ни на один звук, какой Атрейю когда-либо доводилось слышать. Это было нечто среднее между воем, рыком, шипением и хрустом. И тут Атрейю почувствовал, что массив скалы, внутри которой он сейчас находился, задрожал, и услышал, как снаружи со склона градом посыпались камни. Атрейю немного переждал, чтобы это землетрясение или что-то ещё, ему до сих пор неведомое, утихло, и пополз дальше. Так он полз, пока не добрался до конца туннеля. Теперь он опасливо высунул голову и огляделся.

И вот что он увидел: над тьмой бездонной пропасти висело нечто вроде гигантской паутины. А в её клейких нитях толщиной с морской канат бился огромный Белый Дракон Счастья. Изо всех сил рубил он воздух огромным хвостом и лапами, но только всё безнадёжней запутывался в чудовищной сетке.

Драконы Счастья принадлежат к числу редчайших созданий Фантазии. Они нисколько не похожи на обычных драконов, которые, подобно омерзительным гигантским змеям, живут в глубоких пещерах, распространяют вокруг себя нестерпимую вонь и частенько охраняют либо подлинные, либо воображаемые сокровища. Такие твари – порождение Хаоса, и у них мрачный и злобный нрав. Трепеща перепончатыми, обтянутыми кожей, как у нетопырей, крыльями, они неуклюже, с шумом взмывают вверх, извергая из пасти пламя и дым. Драконы Счастья, напротив, дети тепла и света, безотчётной радости, и, хотя тела их огромны, они легки, как летние облака. Поэтому им не нужны крылья, чтобы летать. Они плавают в воздухе, как рыбы в воде. Если смотреть на них с земли, издали, они кажутся зарницами. Но самое удивительное – это их пение. Голоса их звучат как благовест, а их тихие песни – как доносящийся откуда-то издали малиновый звон. Кому довелось хоть раз услышать их пение, тот не забудет этого до конца своих дней и непременно расскажет внукам.

Но тому Дракону Счастья, которого увидел Атрейю, сейчас было не до пения. Его длинное гибкое тело, покрытое поблёскивающей перламутровой чешуёй с бело-розовым отливом, висело в воздухе, опутанное чудовищной липкой паутиной. Длинные усы, украшающие морду дракона, его роскошная грива и бахрома на хвосте так плотно пристали к клейким канатам, что он уже едва мог шелохнуться. Только вспыхивающие рубиновым светом глаза на его львиной морде говорили о том, что он ещё жив.

Из его многочисленных ран струилась кровь, а на него всё снова и снова с быстротой молнии налетало что-то огромное, подобное тёмной туче, очертания которой всё время менялись. То она принимала вид громадного паука с предлинными ногами, сотней горящих глаз и телом, покрытым чёрной свалявшейся шерстью, то – громадной лапы с когтями, пытавшейся разорвать Дракона, а в следующую секунду уже превращалась в гигантского чёрного скорпиона, разящего свою несчастную жертву ядовитым жалом.

Бой между этими двумя могучими созданиями внушал ужас. Дракон всё ещё пытался защищаться, изрыгая голубое пламя, опаляющее щетину чудовища. Дым и копоть сочились сквозь расщелины скал. Атрейю задышался от вони. Дракону удалось откусить одну из паучьих ног противника. Но нога эта, отделённая от тела, не упала, как следовало ожидать, в глубину бездны, а, полетав немного в воздухе, вернулась на прежнее место и вновь соединилась с тёмным облаком в форме паука. И это повторялось всякий раз, когда Дракону удавалось вцепиться зубами в одну из конечностей своего мучителя. Казалось, Дракон кусал пустоту.

Только теперь Атрейю впервые заметил, что эта огромная устрашающая тварь вовсе не была единым существом, а состояла из роя крошечных мошек стального цвета, жужжащих, как разъярённые шершни. Они сбивались в плотные тучи, которые принимали всё новые и новые очертания.

Это и была Играмуль, и теперь Атрейю понял, почему её называют Множеством.

Атрейю выскочил из своего укрытия, схватил рукой Знак Власти, висящий на груди, и крикнул что было сил:

– Остановись!.. Именем Девочки Королевы приказываю: остановись!

Но его крик потерялся в рёве и пыхтении борющихся гигантов. Он и сам-то едва услышал свой голос.

Не раздумывая, Атрейю стал карабкаться по липким канатам паутины. Паутина раскачивалась от его движений. Он вдруг потерял равновесие и чуть было не сорвался в тёмную бездну. Он повис над ней, ухватившись руками за клейкий канат, с огромным трудом взобрался на него снова и прилип к этому месту. Затем ему удалось, собрав все силы, оторваться и двинуться дальше. Но тут Играмуль, видно, вдруг почувствовала, что кто-то к ней приближается, и мигом обернулась. От вида её морды кровь застыла в жилах: теперь она являла собой гигантское рыло стального цвета с одним-единственным глазом над кабаньим пяточком. И это полуприкрытое веком око с невообразимой злобой уставилось на Атрейю.

Бастиану стало так страшно, что он не смог сдержать крика.

Испуганный крик огласил бездну и прокатился многоголосым эхом по склонам горы. Играмуль зыркнула налево и направо, проверяя, нет ли там ещё пришельцев, – ведь застывший перед ней от ужаса мальчик не мог издать такого вопля. Однако никого другого не было видно.

«Неужели они услышали мой крик? – в тревоге подумал Бастиан, совсем растерявшись. – Но это ведь совершенно невозможно».

И Атрейю слышал голос Играмуль... Хрипловатый визг решительно не подходил к её гигантскому рылу. Она говорила, не открывая пасти. Эти звуки были подобны жужжанию несметного роя moskitov, которое складывалось в подобие слов.

– Двухногая тварь! – слышал Атрейю. – После столь долгой голодухи получить разом два таких лакомых кусочка! Какой счастливый день для Играмуль!

Атрейю пришлось собрать все свои силы, чтобы не потерять присутствия духа. Он помахал Блеском перед глазами чудовища и спросил:

– Вам известен этот Знак?

– Поближе, двухногая тварь! – прогудел многоголосый хор moskitov. – Играмуль плохо видит.

Атрейю приблизился ещё на шаг к рылу чудовища. И тут оно разверзло пасть. Вместо языка у него было великое множество извивающихся щупальцев, присосок и раздвоенных жал.

– Ещё ближе! – жужжал несметный хор.

Атрейю придвинулся ещё на шаг, он стоял теперь на канате так близко от Играмуль, что мог чётко различать каждого стального moskita в отдельности, хотя они находились в непрерывном вихревом перемещении. Но при этом рыло чудовища оставалось неподвижным.

– Меня зовут Атрейю, – сказал мальчик, – и я выполняю поручение Девочки Королевы.

– Твой приход не ко времени, – прожужжало чудовище после продолжительного молчания. – Что тебе надобно от Играмуль? Ты что, не видишь, что она очень занята?

– Мне нужен Дракон Счастья, – ответил Атрейю. – Отдай мне его!

– Зачем он тебе, двухногая тварь Атрейю?

– Я погубил своего коня в Болотах Печали. Мне необходимо добраться до Южного Оракула, потому что только Эйулала может мне поведать, кто способен дать Девочке Королеве

новое имя. А если её не назовут по-новому, она умрёт, а вместе с ней погибнет и вся Фантазия. И вы, Играмуль, по прозвищу Множество, тоже.

– А... – негромко прохрюкало рыло. – Вот, значит, почему эта расщелина ведёт прямо в НИЧТО.

– Да, – подтвердил Атрейю. – Значит, и вы это знаете, Играмуль?! Но Южный Оракул находится так далеко отсюда, что мне не хватит всей жизни, чтобы до него добраться. Поэтому я требую, чтобы вы отдали мне Дракона Счастья. Если он помчит меня по воздуху, то я, быть может, успею выполнить поручение.

Вихрящийся рой, образующий рыло, издал какие-то визгливые звуки, которые можно было принять за хихиканье.

– Ошибаешься, двуногая тварь Атрейю. Нам ничего не известно ни о Южном Оракуле, ни об Эйулале, зато мы знаем, что Дракон никуда уже не сможет тебя доставить. Но даже если бы он и не был весь в ранах, ваше путешествие длилось бы так долго, что страшная болезнь успела бы одолеть Девочку Королеву. Время, отпущенное тебе на Поиск, ты должен мерить продолжительностью её жизни, а не твоей, двуногая тварь!

Взгляд страшного ока со сверлящим зрачком выдержать было невозможно, и Атрейю опустил голову.

– Это правда, – тихо произнёс он.

– А кроме того, – продолжало неподвижное рыло, – в теле Дракона яд Играмуль, и проживёт он не дольше часа.

– Значит, – прошептал Атрейю, – больше нет никакой надежды ни для него, ни для меня, да и для вас тоже, Играмуль?

– Зато Играмуль ещё хоть разок наестся до отвала, – прожужжала она в ответ. – Впрочем, ещё неизвестно, будет ли это последней трапезой Играмуль. Она знает, что нужно сделать, чтобы ты вмиг оказался у Южного Оракула. Только вряд ли тебе такое понравится, двуногая тварь Атрейю.

– Скажите скорей!

– Это секрет Играмуль. Творения мрака тоже имеют свои секреты, Двуногий. До сих пор Играмуль никому их не выдавала. И ты должен поклясться мне страшной клятвой, что никому не откроешь мой секрет. Если его узнают, это нанесёт вред Играмуль, да-да, очень-очень ей повредит!

– Клянусь страшной клятвой! Говори!

Гигантское стальное рыло чуть наклонилось и едва слышно ласково прожужжало:

– Ты должен дать Играмуль тебя укусить.

Атрейю в ужасе отшатнулся.

– Яд Играмуль, – продолжало рыло, – убивает за час, но тот, кому он попал в кровь, может вмиг оказаться в любой точке Фантазии по своему желанию. Представляешь, что было бы, если бы это стало известно! От Играмуль улизнула бы вся добыча!

– Убивает за час?! – воскликнул Атрейю. – Но что же я успею сделать за один час?

– И всё же больше, чем в те часы, которые тебе осталось здесь прожить, – прожужжал рой москитов. – Решай!

Атрейю сосредоточенно думал.

– Вы отпустите Дракона, если я попрошу вас об этом именем Девочки Королевы? – спросил он наконец.

– Нет, – ответило рыло. – Ты не имеешь права просить об этом Играмуль, даже если ты носишь Знак. Девочка Королева разрешает нам всем быть такими, какие мы есть. Только поэтому Играмуль и признаёт её Знак. И ты это прекрасно знаешь.

Атрейю стоял по-прежнему с опущенной головой. Всё, что говорила Играмуль, было правдой. Значит, он не может спасти Дракона Счастья. Его личные желания вообще ничего не значат.

Атрейю поднял голову и сказал:

– Укуси меня!

И в тот же миг на него обрушилось стальное облако moskitov и плотно обволокло его со всех сторон. Атрейю почувствовал нестерпимую боль в левом плече и едва успел подумать: «К Южному Оракулу!» – как у него потемнело в глазах.

Когда Волк час спустя домчался до этого места, то увидел лишь огромную паутину, висящую над пропастью, и никого вокруг.

След, который вёл его сюда, вдруг пропал, и, несмотря на все старания, он не мог его снова найти.

Бастиан оторвался от книги. Он чувствовал себя так плохо, словно и к нему в кровь попал яд Играмуль.

– Хорошо, – сказал он тихо, – что я не в Фантазии. К счастью, таких чудовищ в действительности не существует. Ведь всё это только выдуманная история.

А может, не выдуманная? Иначе как же могло случиться, что Играмуль и, видно, Атрейю тоже услышали испуганный крик, вырвавшийся у Бастиана?

Да, от этой книги ему постепенно становилось как-то не по себе...

V. Отшельники

На одно мгновение – страшное мгновение! – Атрейю показалось, что Играмуль его обманула, потому что, очнувшись, он увидел, что по-прежнему находится в Каменной Пустыне.

Он с трудом поднялся на ноги. И тогда он сразу увидел, хотя вокруг, куда ни глянь, стеной стояли горы, что это был всё же совсем другой пейзаж. Казалось, кто-то нагромоздил красно-бурые каменные глыбы, накидал их друг на друга так, что образовалось что-то вроде причудливых башен и пирамид. Земля между ними заросла низким кустарником и травой. Было нестерпимо жарко, солнце палило вовсю и слепило глаза, всё вокруг утопало в его сиянии.

Атрейю посмотрел вдаль из-под руки и тогда увидел примерно на расстоянии мили ворота неправильной формы высотой примерно в сто футов, сложенные из неотёсанных каменных плит.

Не ведут ли они к Южному Оракулу? Насколько он мог разглядеть, за воротами лежала бескрайняя равнина. Там не было ни здания, ни храма, ни рощицы – ничего такого, где бы мог находиться Оракул.

Мальчик всё ещё стоял, раздумывая, что же ему теперь делать, как вдруг услышал глубокий голос, отдающий бронзовым гулом:

– Атрейю... – И ещё раз: – Атрейю!

Он обернулся и увидел, что из-за красно-бурой каменной башни выползает Дракон Счастья. Раны его кровоточили, и он так ослабел, что с трудом пополз до Атрейю. И всё же он весело подмигнул ему своим рубиновым глазом и сказал:

– Ты удивляешься, что и я тут оказался? Правда, когда я болтался в этой ужасной паутине, я был как в параличе, но я слышал всё, что тебе сказала Играмуль. И тогда я подумал, что ведь и меня она укусила, так почему бы мне не воспользоваться тем секретом, который она тебе доверила? И удрал от неё.

Атрейю очень обрадовался Дракону.

– Мне было тяжело оставлять тебя на растерзание Играмуль, – сказал он, – но что я мог поделать?

– Ничего, – ответил Дракон Счастья. – Но ты всё равно спас мне жизнь, пусть даже с моей помощью.

И он снова подмигнул, но теперь уже другим глазом.

– Спас жизнь, – повторил за ним Атрейю, – но всего на час. Этот срок отмерен нам обоим. С каждой секундой я всё больше чувствую действие яда Играмуль.

– На каждый яд есть противоядие, – сказал Белый Дракон. – Вот увидишь, всё будет хорошо.

– Даже представить себе этого не могу.

– Откровенно говоря, и я тоже, – признался Дракон. – Но это и есть самое прекрасное. С этой минуты тебе будет сопутствовать удача. Ведь недаром же я Дракон Счастья. Даже когда я висел в этой ужасной липкой сетке, меня не покидала надежда. И, как видишь, я был прав.

Атрейю улыбнулся.

– Скажи мне, почему ты захотел оказаться здесь, а не в каком-нибудь более приятном месте, где тебя, может, вылечили бы?

– Потому что отныне моя жизнь принадлежит тебе, – сказал Дракон, – если, конечно, ты примешь этот дар. Я подумал, что для успеха Великого Поиска тебе надо быстро передвигаться. Ты увидишь, что лететь по небу на моей спине куда веселее, чем плестись на своих двоих или даже скакать на добром коне. Ясно?

– Ясно! – ответил Атрейю.

– Кстати, – добавил Дракон, – меня зовут Фалькор.

– Привет, Фалькор! – сказал Атрейю. – Но пока мы с тобой разговариваем, проходят те драгоценные минутки, которые у нас ещё остались. Что нас может спасти?

– Только везение, – ответил Фалькор, – и ничто другое.

Но Атрейю уже не слышал его ответа. Он упал без чувств и лежал неподвижно на мягкой гриве Дракона.

Яд Играмуль сделал своё дело.

Когда Атрейю – кто знает, через сколько часов, – снова открыл глаза, он сперва увидел лишь склонившееся над ним очень странное морщинистое личико величиной с кулак. Коричневая кожа ещё увеличивала его сходство с печёным яблоком, а глазки на нём сверкали, будто звёздочки. Волосы были прикрыты чем-то вроде чепчика из увядших листьев.

И тут Атрейю почувствовал, что ему поднесли ко рту маленький сосуд с каким-то питьём.

– Вкусненькое лекарство, хорошее лекарство! – задвигались губки на морщинистом личике. – Пей, дитя, пей! Тебе будет легче!

Атрейю сделал глоток. Вкус лекарства был ни на что не похожий, сладковатый, но при этом терпкий.

– А что с Драконом? – проговорил он с трудом.

– Всё в порядке, – ответил хриплый голосок, – не беспокойся, мой мальчик. Он выздоравливает. Вы оба скоро выздоровеете. Худшее уже позади. Только ты пей, милый, пей!

Атрейю отпил ещё глоток и снова впал в сон, но теперь уже это был глубокий, укрепляющий сон выздоровления.

Башенные часы пробили два.

Бастиан был не в силах больше терпеть: ему хотелось в туалет. Собственно говоря, ему уже давно хотелось, но он не мог прервать чтение. Да и страшновато было спуститься с чердака в школьный коридор. Он всё внушал себе, что бояться нечего, там сейчас пусто, значит, никто его и не увидит. И всё-таки ему было страшно, казалось, сама школа превратилась в живое существо, которое за ним следит.

Но выхода не было.

Бастиан положил раскрытую книгу на мат, встал и подошёл к чердачной двери. Прислушался. Сердце его отчаянно колотилось. Он отодвинул засов и повернул большой ключ, торчащий в замочной скважине. Потом нажал на ручку, и дверь с громким скрипом отворилась.

Он выбежал, не надев ботинок, прямо в носках, и не притворив за собой двери, чтобы не делать лишнего шума. Крадучись спустился он по лестнице на первый этаж. Перед ним был длинный-предлинный коридор с множеством выкрашенных в цвет шпината дверей, ведущих в классы. Туалет для учеников находился в противоположном конце. Бастиан кинулся туда со всех ног и едва успел вовремя добежать.

В уборной он думал о том, почему герои книги никогда не сталкиваются с такими проблемами. Видимо, всё это настолько второстепенные, не имеющие значения вопросы, что нет смысла писать об этом в книгах. Хотя из-за этих самых вопросов он не раз попадал в самое неловкое и отчаянное положение.

Он спустил воду и хотел было уже выйти из уборной, как вдруг услышал, что кто-то ходит по коридору. Одна за другой открывались и закрывались двери классов, и шаги всё приближались.

Сердце Бастиана бешено колотилось. Куда спрятаться? Он застыл на месте, словно оцепенев.

Открылась и дверь уборной, но, к счастью, она открывалась внутрь и загродила Бастиана. Вошёл комендант. Он внимательно оглядел одну за

другой все кабинки, а когда дошёл до той, где ещё текла вода и раскачивалась ручка спуска, замер в недоумении. Но, увидев, что вода течь перестала, пожал плечами и вышел. Вскоре его шаги затихли на лестнице.

Бастиан, всё это время не смеявший дышать, жадно втянул в себя воздух. Выходя из своего укрытия, он заметил, что у него дрожат колени.

Торопливо проскользнув по коридору мимо дверей цвета шпината, он взбежал по лестнице, юркнул на чердак и расслабился только после того, как закрыл задвижку и повернул ключ в замке.

Глубоко вздохнув, Бастиан опустил на мат, натянул на себя солдатские одеяла и погрузился в чтение.

Когда Атрейю снова проснулся, он почувствовал себя совершенно здоровым и полным сил. Он тут же сел.

Была ночь, но луна светила ярко, и Атрейю увидел, что он всё ещё находится в том месте, где упал без чувств рядом с Белым Драконом. И Фалькор лежал возле него и дышал теперь глубоко и ровно. Видно, он крепко спал. Все его раны были перевязаны.

Атрейю увидел и на своём плече такую же повязку – не из бинта, а из травы и волокон каких-то растений.

В нескольких шагах от того места, где лежали они с Фалькором, он обнаружил вход в маленькую пещерку, откуда падал слабый свет.

Стараясь не задеть свою левую руку, Атрейю осторожно приподнялся, встал на ноги и подошёл к пещерке. Нагнувшись, он увидел помещение, похожее на кухню алхимика, но только в миниатюре. Повсюду стояли тигли, горшки, валялись колбы. На полке красовался плотный ряд мешочков с разными травами. В камине весело пылал огонь. Столик и вся прочая мебель были, видно, сделаны из корневищ и пней. Жильё это производило самое приятное впечатление.

Только услышав покашливание, Атрейю заметил, что в кресле у камина кто-то сидит. На голове у этого человечка была шапка, выструганная из корня и напоминающая перевернутую головку трубки. Лицо его было тоже цвета печёного яблока и такое же морщинистое, как и то, что склонилось над Атрейю, когда он очнулся. Огромные очки, сползшие на кончик остренького носа, да выражение озабоченности на лице – вот и всё, что Атрейю успел разглядеть. Человечек сосредоточенно читал толстую книгу, лежавшую у него на коленях.

Потом из глубины пещеры, видимо из другого помещения, появился ещё кто-то, и Атрейю сразу же узнал то маленькое существо, что хлопотало над ним, когда он в первый раз приоткрыл глаза. Помимо чепца из листьев на ней – а это, видно, была «она», – как и на старичке у камина, было нечто вроде монашеской рясы, сотканной из сухих травинки. Она что-то напевала себе под нос, с довольным видом потирая ручки, а потом склонилась над стоящим на очаге котелком. Оба человечка едва доходили Атрейю до колена. Без всякого сомнения, они принадлежали к широко разветвлённому роду гномов, хотя и выглядели весьма своеобразно.

– Жена, – мрачно проговорил человечек, – не загораживай свет. Ты мешаешь мне читать научный трактат.

– Ох! До чего же ты мне надоел со своим чтением! Какой в этом прок! – воскликнула жена. – Сейчас важнее всего поскорее сварить целебный эликсир. Им обоим он просто необходим.

– Им обоим, – раздражённо возразил человечек, – нужнее всех твоих эликсиров мой совет и моя помощь.

– Не спорю, но сперва-то их надо вылечить! Дай-ка мне подойти к огню, старик!

Человечек, недовольно бурча, немного отодвинул кресло от камина.

Атрейю кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Оба гнома тут же обернулись.

– Видишь, он уже на ногах! – сказал человечек. – Настал мой черёд!

– Ничего подобного! – огрызнулась жена. – Не тебе решать, здоров он или нет. Это определяю только я. А твой черёд настанет тогда, когда я скажу, что он настал.

Потом она обратилась к Атрейю:

– Мы охотно пригласили бы тебя войти сюда, к нам. Но тебе, боюсь, будет здесь тесновато. Подожди минутку, я сейчас выйду.

Она что-то растёрла в маленькой ступке и добавила порошок в кипящее варево. Потом ополоснула руки, вытерла их фартуком и строго сказала мужу:

– А ты будешь сидеть здесь, Энгивук, пока я тебя не кликну, ясно?

– Ясно, ясно, Ургула, – буркнул он в ответ.

Выйдя из пещеры, Ургула вскинула голову и, прищурив глаза, испытующе оглядела Атрейю.

– Ну как? Похоже, нам уже лучше?

Атрейю молча кивнул.

Ургула забралась на выступ скалы и, оказавшись на уровне лица Атрейю, села.

– Больше ничего не болит? – спросила она.

– Пустяки, об этом и говорить не стоит, – ответил Атрейю.

– Ну, так как же всё-таки? – не унималась Ургула, сверкая глазками. – Болит или не болит?

– Немного болит, – признался Атрейю, – но это не важно, можно потерпеть...

– Мне это важно, – перебила Ургула. – До чего ж я люблю, когда больные объясняют лекарю, что важно, а что не важно! Да разве ты в этом разбираешься, желторотый птенец! В том-то и дело, что ещё должно болеть, чтобы совсем выздороветь. Между прочим, если бы не было больно, рука твоя давно бы отсохла.

– Извините, – пробормотал Атрейю, смутившись. Ему показалось, что он ведёт себя как невоспитанный ребёнок. – Я хотел сказать... в общем, я хотел вас поблагодарить...

– Не за что! – резко оборвала его Ургула. – Я ведь целительница, это мой долг, только и всего. К тому же мой старик Энгивук заметил у тебя на шее Амулет. Так что тут и раздумывать было не о чем.

– А Фалькор? Как он себя чувствует?

– Это кто?

– Белый Дракон.

– Ещё не знаю. Ему досталось больше, чем тебе. Правда, он покрепче. Думаю, обойдётся. Почти уверена, что и он скоро поправится. Но ему ещё нужен отдых. Где же это вы набрались столько яду, а? И откуда вы вдруг взялись – словно с луны свалились? И куда путь держите? И вообще, кто вы такие?

Энгивук тем временем стоял уже у выхода из пещеры и слушал, как Атрейю отвечает на вопросы Ургулы. Наконец терпение его лопнуло, он сделал шаг вперёд и воскликнул:

– Помолчи, старуха! Настал мой черед!

Повернувшись к Атрейю, он снял шляпу, похожую на трубку, почесал свою лысину и сказал:

– Не сердись на неё за резкий тон. Старая Ургула частенько бывает грубовата, но намерения у неё самые лучшие. Моё имя Энгивук. А ещё нас зовут «Отшельники». Слышал про нас?

– Нет, – признался Атрейю.

Энгивук как будто немного оскорбился.

– Что ж, ты, видно, не возвращаешься в учёных кругах, – сказал он, – не то наверняка слышал бы. Ты не ошибся адресом. Если ты намерен попасть к Южному Оракулу и разыскать Эйулалу, лучше меня тебе дорогу никто не укажет.

– Не воображай так, старик! – крикнула Ургула, слезая с выступа скалы. И, бормоча себе что-то под нос, скрылась в пещере.

Энгивук, не обратив на неё никакого внимания, невозмутимо продолжал:

– Да-да, я могу тебе всё объяснить. Жизнь свою я положил на то, чтобы изучить этот вопрос досконально. Собственно, для этого я и устроил обсерваторию. Собираюсь в ближайшее время издать научный труд про Южного Оракула. Уже придумал название «Загадка Эйулалы, разгаданная профессором Энгивуком». Неплохо звучит, а? К сожалению, для публикации кое-чего не хватает. И ты можешь мне помочь, мой мальчик.

– Обсерваторию? – переспросил Атрейю. – А что это такое?

Энгивук кивнул, глаза его так и сверкали от гордости. Жестом он пригласил Атрейю следовать за ним.

Узенькая извилистая тропинка между валунами, то и дело теряясь, но тут же вновь возникая, неуклонно вела вверх. Кое-где, если подъём был уж очень крутым, были выбиты крошечные ступени. Но Атрейю не мог поставить на них даже носок сапога – чересчур они были узки. Он просто через них перешагивал. И всё же ему с трудом удавалось не отставать от гнома, который удивительно резво взбирался всё выше и выше.

– Луна сегодня такая яркая, – донёсся до Атрейю его голос. – Увидишь всё.

– Кого? – переспросил Атрейю. – Эйулалу?

Но гном, продолжая подниматься, только недовольно покачал головой.

Наконец они добрались до вершины горы, похожей на сложенную из плит башню. Верхняя плита была совершенно плоской, лишь с одной стороны возвышалось нечто вроде естественного барьера или каменного парапета. В центре его с помощью каких-то инструментов было выбито отверстие. Перед ним на штативе из сухих корней стояла небольшая подзорная труба.

Энгивук поглядел в объектив, подкрутил какие-то винтики, потом удовлетворённо кивнул и предложил Атрейю подойти и посмотреть. Чтобы сделать это, Атрейю пришлось лечь на живот и опереться на локти. В этой позе он смог, в свою очередь, поглядеть в трубу.

Старик так направил её, что виден был проход между двумя скалами и в нём каменные ворота. Но в поле зрения оказалась лишь нижняя часть правой колонны. И Атрейю увидел рядом с ней огромного неподвижного сфинкса, освещённого луной. Передние лапы у него были львиные, задняя часть туловища – как у быка, а на спине красовались могучие орлиные крылья. Лицо сфинкса – лицо женщины – всё же трудно было назвать человеческим лицом из-за его выражения: на нём застыла то ли улыбка, то ли печать глубокой печали или полного равнодушия.

Атрейю долго разглядывал это лицо и в конце концов решил, что оно исполнено отчаянной злобы и мрачности, но мгновение спустя ему уже казалось, что он ошибся и что, напротив, оно свидетельствует о самом весёлом нраве.

– Брось, всё равно тебе этого не разгадать, – зашептал ему на ухо гном. – Никому ещё не удавалось понять, что выражает лицо сфинкса. И мне тоже, хотя я чуть ли не всю свою жизнь его разглядываю. Теперь посмотрим на другого.

Гном повернул один из винтиков, и в поле зрения Атрейю сперва попала бескрайняя равнина, простиравшаяся за воротами, а потом – левая колонна, возле которой тоже сидел сфинкс в той же самой позе. Его могучее тело, освещённое луной, сияло каким-то странным тусклым блеском, словно оно было из жидкого серебра. Второй сфинкс, казалось, отчуждённо глядит в сторону первого, точно так же, как тот, застыв, глядел в его сторону.

– Это что, статуи? – спросил Атрейю, не в силах оторвать глаз от трубы.

– О нет! – воскликнул Энгивук и даже захихикал. – Это настоящие, живые сфинксы, даже очень живые! Ну, на первый раз с тебя, пожалуй, хватит. Пойдём спустимся вниз. Там я тебе всё объясню.

И он прикрыл ладонью конец трубы, так что Атрейю больше ничего не мог видеть. Обратный путь они прошли молча.

VI. Трое волшебных ворот

Когда Энгивук и Атрейо вернулись, Фалькор всё ещё лежал возле пещеры и крепко спал. А старая Ургула тем временем вынесла маленький столик и расставила на нём всевозможные сласти и соки из ягод и трав, а также крохотные кружечки и чайничек с каким-то ароматным горячим отваром. И чтобы полностью представить себе эту картину, надо добавить, что на столе горели две малюсенькие коптилки, заправленные растительным маслом.

– К столу! – приказала Ургула тоном, не терпящим возражений. – Атрейо должен наконец хорошенько поесть-попить, чтобы к нему вернулись силы. Одними лекарствами тут не обойтись.

– Спасибо, – сказал Атрейо. – Я чувствую себя прекрасно.

– Не возражай! – прикрикнула на него Ургула. – Здесь у нас ты будешь делать то, что тебе велят. Яд в тебе обезврежен. Значит, спешить теперь незачем. Времени у тебя хоть отбавляй! Отдыхай в своё удовольствие!

– Тут дело не во мне, – объяснил Атрейо. – Умирает Девочка Королева. Быть может, теперь уже дорог каждый час.

– Глупости! – проворчала старушка. – Всем известно: поспешишь – людей насмешишь! Сиди! Ешь! Пей! Да поживей! Ну же!..

– Не упрямясь, – прошептал Энгивук. – Лучше ей уступить, по себе знаю. Если уж она чего захочет, всё равно своего добьётся. Да и нам с тобой ещё надо много чего обсудить.

Атрейо сел за крошечный столик, скрестив ноги, и стал есть и пить. И с каждым выпитым глотком, с каждым съеденным кусочком он чувствовал, как золотой поток тёплых жизненных сил всё быстрее струится по его жилам. Только теперь Атрейо понял, насколько он ослабел.

У Бастиана потекли слюнки. Ему даже показалось, что до него донеслись ароматы тех сладких блюд, что стояли на столике у гномов. Он глубоко втянул воздух – ну конечно, ему это только почудилось.

От голода у него сосало под ложечкой, и он, не вытерпев, достал из портфеля остатки бутерброда и яблоко. И всё съел. Он почувствовал себя лучше, хотя голода так и не утолил.

И тут он сообразил, что больше у него ничего не осталось, что он ел в последний раз. Слова в «последний раз» его испугали, и он постарался об этом забыть.

– Откуда у тебя все эти лакомства? – спросил Атрейо у Ургулы.

– Ох, сыночек, ты и не представляешь, как далеко я хожу, чтобы найти нужные травы и растения. А вот Энгивук, упрямая башка, из-за своих научных занятий, видите ли, ни за что не хочет жить в другом месте. А как добывать еду – до этого ему и дела нет!

– Жена, – с достоинством произнёс старый гном, – откуда тебе знать, что важно, а что нет? Займись-ка своими делами и не мешай нам беседовать.

Ургула, бубня что-то себе под нос, скрылась в пещерке и в сердцах загремела кастрюлями.

– Не обращай внимания! – сказал Энгивук. – Она хорошая старуха, только любит иногда поворчать. Послушай, Атрейо, я расскажу тебе про Южный Оракул всё, что тебе надо знать! Добраться до Эйулалы совсем не просто. И даже более того – весьма трудно. Но я не хочу утомлять тебя научным докладом. Может, лучше ты сам будешь задавать вопросы? А то я легко сбиваюсь с главной мысли на частности. Спрашивай!

– Хорошо, – согласился Атрейо. – Прежде всего скажи, кто это или что это такое – Эйулала?

– Ну и ну! – воскликнул Энгивук и сердито блеснул глазами. – Ты, как и моя старуха, задаёшь мне сразу главный вопрос. Неужели нельзя для начала спросить что-нибудь полегче?

Атрейю подумал и спросил:

– Каменные ворота с двумя сфинксами – это вход туда?

– Уже легче, – обрадовался Энгивук, – так мы, пожалуй, сдвинемся с мёртвой точки. Да, дружок, каменные ворота – это вход, но не туда. За ними есть ещё двое других ворот. Вот за этими тремя воротами и живёт Эйулала – если про неё вообще можно сказать «живёт».

– Ты у неё был хоть раз?

– Ну как ты себе это представляешь! – снова вспыхнул Энгивук. – Я ведь учёный. Я работаю только научными методами! Я собираю все данные, все свидетельства тех, кто там побывал. Опрашиваю, конечно, только тех, кто вернулся. Я занят очень важной работой! И рисковать собой не имею права. Это было бы губительно для моей научной деятельности.

– Понимаю, – сказал Атрейю. – А что ты мне можешь сказать об этих трёх воротах?

Энгивук встал, заложил руки за спину и стал ходить взад и вперёд.

– Первые ворота называются Ворота Великой Загадки. Вторые – Ворота Волшебного Зеркала. Третьи – Ворота Без Ключа...

– Странно, – прервал его Атрейю. – Насколько мне удалось заметить, за колоннами первых ворот раскинулась голая равнина. Где же остальные ворота?

– Помолчи, юноша! – одёрнул его гном. – Если будешь меня всё время перебивать, я ничего тебе не объясню. Всё здесь очень сложно. Дело вот в чём: вторые ворота появляются только тогда, когда пройдёшь первые. А третьи – после того, как минует вторые. А Эйулалу можно увидеть, только если пройдёшь через третьи ворота. Само по себе это просто не существует. Вообще ничего нет, понимаешь?

Атрейю кивнул и заставил себя промолчать, боясь снова рассердить гнома.

– Первые ворота, Ворота Великой Загадки, ты видел в мою подзорную трубу. И обоих сфинксов тоже видел. Эти ворота, само собой разумеется, всегда открыты: у них ведь нет створок. Но тем не менее пройти через них никто не может, если только, – Энгивук поднял свой крошечный указательный палец, – если только сторожевые сфинксы почему-либо не зажмутся в этот миг. И знаешь, в чём тут дело?.. Взгляд у них совсем иной, нежели взгляд любого живого существа. Мы с тобой, да и все другие, воспринимаем глазами какую-то картину мира, видим окружающее таким, как оно есть. А сфинксы ничего не видят вокруг, в каком-то смысле они слепы. Зато их глаза что-то излучают. И знаешь, что именно? Все загадки мира! Поэтому они и глядят только друг на друга: взгляд сфинкса может выдержать только сфинкс. И представь себе, мальчик, что произойдёт с тем, кто осмелится попасть в точку скрещения их взглядов! Несчастный застынет и не сдвинется с места, пока не отгадает все загадки мира. Если подойдёшь к каменным воротам, увидишь печальные останки этих бедолаг...

– Но ты ведь сказал, – снова перебил его Атрейю, – что сфинксы иногда закрывают глаза! Должны же и они когда-нибудь спать!

– Спать? – Энгивук затрясся от смеха. – Скажешь тоже!.. Сфинксы спят! Нет уж, дружок, поверь, сфинксы никогда не спят! Ты и в самом деле ещё несмышлёныш. И всё же твой вопрос не лишён известного смысла. Именно ему я и посвящаю, собственно говоря, моё исследование. Некоторых посетителей сфинксы пропускают: закрывают глаза. Но вот на вопрос, почему одному можно пройти, а другому нельзя, так и нет до сих пор ответа. Нетрудно, допустим, предположить, что сфинксы пропускают только мудрых, храбрых, добрых, а глупым, трусам и злым прохода не дают... Однако дело обстоит вовсе не так. Сколько раз я собственными глазами видел, как какому-нибудь жалкому дурачку или отпетому мерзавцу они вдруг разрешают пройти, а приличные, разумные люди месяцами ждут этой возможности и в конце концов уходят, как говорится, несолоно хлебавши. Идут ли к Оракулу те, кого гонит беда или кто пытается проскочить просто так, шутки ради, – тоже не играет никакой роли...

– И что же, все твои исследования так и не привели ни к какому выводу?

Глаза Энгивука снова гневно сверкнули.

– Ты что, не слушаешь, что я говорю? Я же сказал, что до сих пор ещё никому не удалось разгадать тайну сфинксов. За эти годы я, конечно, разработал несколько теорий. Сперва я полагал, что поведение сфинксов определяется внешними данными смельчаков – их ростом, красотой, силой, но вскоре мне пришлось от этой идеи отказаться. Потом я попытался найти какую-то цифровую закономерность, скажем, из каждых пяти соискателей они всегда исключают троих или разрешают пройти только нечётным, или, наоборот, чётным, или кратным какому-то числу. Подогнать под такую схему собранные данные мне удалось, но предсказать по ней, что будет с каждым следующим смельчаком, оказалось невозможно. В конце концов у меня сложилось впечатление, что решение сфинксов всякий раз абсолютно произвольно и ни смысла, ни системы в этом нет. А вот жена моя уверяет, будто такой вывод свидетельствует об отсутствии фантазии, о полной моей бездарности. И что он глубоко антинаучный.

– Опять ты мелешь свой вздор? – раздался из пещеры голос Ургулы. – Как не стыдно! Если у тебя башка не варит, это ещё не даёт тебе права отрицать великие вселенские тайны, глупец несчастный!

– Слышишь, мальчик? – И Энгивук горько вздохнул. – И ведь весь ужас в том, что она права.

– А Знак Власти Девочки Королевы? – спросил Атрейю. – Как ты думаешь, они посчитаются с ним? Ведь, в конце концов, сфинксы тоже существуют в Фантазии.

– Думаю, что да, – сказал гном и покачал своей маленькой головкой, похожей на печёное яблоко. – Но для этого они должны его увидеть. А ведь они ничего не видят, хотя их взгляд и пригвоздит тебя. К тому же я не вполне уверен, что они послушны Девочке Королеве. Не исключая, что у них больше власти, чем у неё. Не знаю, не знаю. Во всяком случае, всё это весьма таинственно и неясно...

– Так что же ты мне посоветуешь? – настаивал Атрейю.

– Тебе придётся поступить так, как поступают все, – ответил гном. – Ждать... ждать, что они решат, – так и не понимая почему...

Атрейю задумчиво кивнул.

Тут из пещеры вышла Ургула с ведёрком, из которого шёл пар, под мышкой у неё были зажаты пучки сушёных трав. Она направилась к Белому Дракону, который всё ещё лежал неподвижно, погружённый в глубокий сон. Вскрабкавшись на него, она стала менять примочки на его ранах. Огромный пациент, казалось, и не чувствует лечебных припарок. Лишь один раз он довольно крикнул и вытянулся во весь рост.

– Займись-ка лучше чем-нибудь полезным, – бросила старушка, опять пробегая на кухню. – Ну что сидеть здесь и нести околесицу?

– Я делаю весьма полезное дело, – огрызнулся муж ей вдогонку, – может, куда более полезное, чем ты! Но тебе этого не понять, дурёха!.. – И добавил, обращаясь к Атрейю: – Только о практических вещах и думает. Для глобальных проблем у неё, увы, не хватает широты ума.

Башенные часы пробили три.

Если отец поначалу и не обратил внимания на то, что Бастиан не вернулся домой, то теперь-то уж он наверняка это заметил. Или нет? А что, если он волнуется и отправился его искать?.. А вдруг он уже сообщил в полицейский участок?.. И дело кончится тем, что по радио будут передавать его приметы. У Бастиана снова засосало под ложечкой.

И если всё это так, где они будут его искать? В школе? Может, даже здесь, на чердаке?

Хорошо ли он запер за собой дверь, когда вернулся из туалета? Он точно этого не помнил и потому встал, чтобы проверить. Дверь была заперта и закрыта на задвижку.

Тем временем уже начало смеркаться. Свет, проникавший сквозь чердачное окно, заметно потускнел.

Чтобы успокоиться, Бастиан немного побегал по чердаку. При этом он обнаружил кучу вещей, которые не имели решительно никакого отношения к школе, но почему-то здесь находились. Например, старинный разбитый граммофон с трубой – кто знает, когда и кто его сюда принёс? В одном углу стояли какие-то картины в золочёных рамах с отбитой лепниной, на них уже почти ничего нельзя было разглядеть, но кое-где из тёмного фона проступали, мерцая, бледные лица со строгими глазами. Был тут и покрытый ржавчиной посеребрённый подсвечник, в котором ещё торчали огарки свечей с бородками оплывшего воска.

Вдруг – Бастиан чуть не умер от страха – в дальнем углу он увидел какую-то движущуюся фигуру. Он не сразу сообразил, что там стоит большое, мутное, запylённое зеркало, в котором нечётко отражается он сам. Потом он подошёл поближе к зеркалу и долго себя разглядывал. Да, что и говорить, красавцем его уж никак не назовёшь: полное, бледное как мел лицо, ноги кривые... Бастиан медленно покачал головой и произнёс вслух:

– Нет!

Потом он снова уселся на мат. Теперь, чтобы читать, приходилось держать книгу прямо перед глазами.

– На чём же мы остановились? – спросил Энгивук.

– На Воротах Великой Загадки.

– Верно! Допустим, тебе удалось через них пройти. И тогда – заметь, только тогда – ты увидишь вторые ворота: Ворота Волшебного Зеркала. О них, как ты уже понял, я тебе ничего не могу поведать из личных наблюдений, лишь то, что мне удалось почерпнуть из рассказов других. Про эти ворота можно с равным успехом сказать, что они заперты и что они открыты. Дико звучит, не правда ли? Можно сформулировать точнее: они не заперты, но и не открыты. Впрочем, и это звучит достаточно дико. Короче, речь идёт о большом зеркале или о чём-то вроде зеркала, хотя оно и не из стекла, и не из металла. А из чего оно, мне никто не смог толком объяснить. Одним словом, надо стать перед ним, и тогда видишь себя – но, конечно, совсем не так, как в обычном зеркале. Видишь не свой внешний облик, а свою истинную внутреннюю сущность, какая она есть на самом деле. Кто хочет проникнуть сквозь него, должен – попробую выразить это так, – должен постичь свою суть.

– Во всяком случае, – сказал Атрейо, – в Ворота Волшебного Зеркала, видно, куда легче пройти, чем в первые.

– А вот ты и ошибся! – воскликнул Энгивук и снова стал в волнении шагать взад и вперёд. – Очень сильно ошибся, мой друг! Я слышал, что именно те посетители, которые считали себя вполне безупречными, в ужасе, с криком убегали от чудищ, которые, ухмыляясь, палили на них зенки из этого зеркала. Некоторых бедняг нам даже приходилось очень долго лечить, прежде чем они смогли пуститься в обратный путь.

– Нам! – проворчала Ургула, которая как раз проходила мимо с ещё одним ведёрком целебного отвара. – Всё «нам» да «нам». Интересно, кого это ты лечил?

В ответ Энгивук только махнул рукой.

– Были и такие, – продолжал он свой рассказ, – что хоть и видели в зеркале нечто совершенно ужасное, всё же набрались мужества через него пройти. Но даже тем, у кого изобра-

жение было не таким уж удручающим, приходилось преодолевать себя. Однако здесь трудно обобщать. В каждом случае всё было по-другому.

– Я понял, – сказал Атрейю, – но пройти через это Волшебное Зеркало всё же возможно?

– Да, – подтвердил гном, – конечно, возможно, иначе оно не было бы воротами. Ведь так? Логично?

– А если его обойти стороной? – спросил Атрейю. – Или этого нельзя сделать?

– Почему нельзя? Конечно можно! – сказал гном. – Но тогда не увидишь третьих ворот. Они появляются только после того, как пройдёшь через вторые. Сколько раз тебе это повторять?..

– А что собой представляют третьи ворота?

– Вот тут-то и есть самая заковыка. Ворота Без Ключа заперты, вот ведь в чём дело. Заперты, и всё тут! Там нет ни ручки, ни щеколды, ни замочной скважины, решительно ничего! По моей теории эти ворота, непонятно как закрывающиеся, имеют лишь одну створку, сделанную из фантастического селена. Знаешь ли ты, что нет такого инструмента, с помощью которого можно было бы разрушить, отогнуть или взорвать фантастический селен? Он не поддаётся решительно никакому воздействию.

– Выходит, через эти ворота вообще невозможно пройти.

– Не спеши, мой мальчик, не спеши! Ведь кое-кому удалось войти к Оракулу и разговаривать с Эйулалой, верно? Значит, эти ворота всё же можно отворить!

– А как?

– Теперь слушай внимательно. Фантастический селен подвластен только одной силе – нашему желанию. Именно наше желание и делает его непроницаемым. Чем больше желаешь открыть эти ворота, тем прочнее они становятся. Но если кому-нибудь вдруг удаётся забыть все свои намерения и совсем ничего не хотеть, тогда они сами перед ним – раз! – и откроются!..

Атрейю потупил глаза и тихо сказал:

– Если это правда, то как же мне пройти через эти ворота? Разве я могу этого не хотеть?

Энгивук, вздохнув, кивнул:

– Ведь говорил я тебе: Ворота Без Ключа самые трудные.

– А если бы мне это всё же удалось, я оказался бы у Южного Оракула?

– Да, – ответил гном.

– И мог бы поговорить с Эйулалой?

– Да, – ответил гном.

– А кто это, Эйулала? Что это такое?

– А кто его знает... – сказал гном, и глаза его снова гневно вспыхнули. – Ни один из тех, кто там побывал, не пожелал мне этого сказать. Сам посуди, как может учёный довести до конца свой труд, если все хранят таинственное молчание? Тут с горя последнюю прядь волос у себя вырвешь, совсем облысеешь. Но если тебе, Атрейю, удастся дойти до конца, ведь ты мне всё расскажешь, правда, мой мальчик? Я просто умираю от жажды знать, и никто, никто не хочет мне помочь! Прошу тебя, обещай мне!

Атрейю встал и посмотрел на Ворота Великой Загадки, освещённые ярким лунным светом.

– Я не могу тебе этого обещать, Энгивук, – сказал он тихо, – хотя мне бы очень хотелось хоть чем-то тебя отблагодарить. Но раз никто не говорил тебе, что такое Эйулала, значит, этому есть какая-то причина. И пока я её не узнаю, я не могу решить, можно ли доверить эту тайну тому, кто сам там не был.

– Тогда скорее убирайся отсюда! – вскричал гном; глаза его метали искры. – Чтоб духу твоего здесь не было! Вечно натыкаешься на чёрную неблагодарность! Жизнь свою кладёшь, чтобы раскрыть тайну, столь важную для всех, но помощи ни от кого не жди! Не стоило вообще на тебя время тратить!

Гном побежал в пещеру, и Атрейю слышал, как в глубине её громко хлопнула дверь.

Ургула, проходя мимо Атрейю, остановилась и сказала, посмеиваясь:

– Не принимай близко к сердцу, он вовсе не злой, мой старик, просто очень горячий. Для него это ещё одно страшное разочарование. Он ведь так носится со своим смехотворным научным исследованием. Ему хотелось бы стать тем учёным, который разгадал эту великую тайну. Шутка ли? Знаменитый гном Энгивук! Не сердись на него!

– Я не сержусь, – сказал Атрейю. – Скажи ему, что я от всего сердца благодарю его за всё, что он для меня сделал. И тебя я тоже благодарю. Если будет можно, я, конечно, всё ему расскажу. Но для этого надо, чтобы я вернулся.

– Ты уже нас покидаешь? – спросила Ургула.

– Я должен идти, – ответил Атрейю, – нельзя терять ни минуты. Попытаюсь добраться до Оракула. Всего тебе доброго! И присмотри, пожалуйста, за Драконом Счастья.

Он пошёл, не оглядываясь, в сторону Ворот Великой Загадки.

Ургула глядела ему вслед, а когда стройный мальчик с развевающимся плащом на плечах скрылся за скалами, она побежала за ним, крича:

– Счастья тебе, Атрейю! Счастливо!..

Но она не знала, услышал он её или нет. И заковыляла назад, в свою маленькую пещеру, бормоча:

– Да, ему и в самом деле необходимо счастье. Большое счастье...

До каменных ворот оставалось не больше пятидесяти шагов. Вблизи они оказались огромными, куда больше, чем представлялись ему издалека. За воротами раскинулась равнина – куда ни глянь, глазу не за что зацепиться, словно глядишь в пустоту. Перед воротами и между колоннами Атрейю увидел множество черепов и скелетов – останки самых разных обитателей Фантазии, которые пытались пройти в ворота, но были навеки пригвождены взглядом сфинксов.

Однако не это печальное зрелище остановило Атрейю, а вид самих сфинксов.

За время Великого Поиска Атрейю открылось многое, он познал и красоту, и ужас, но до этой минуты не подозревал, что они могут быть слиты воедино, что красота может вселять ужас.

Лунный свет, струясь, освещал двух гигантов, и по мере того, как Атрейю медленно к ним приближался, ему казалось, что они всё увеличиваются и уходят в бесконечность. У него возникло впечатление, что сфинксы уже упираются головой в луну, а выражение их лиц, обращённых друг к другу, меняется чуть ли не с каждым его шагом. В их горделиво устремлённых вверх телах, а особенно в их человеческих лицах пульсировал ток невероятной, неведомой силы – будто они не просто восседали тут, как мраморные изваяния, а в каждое мгновение могли вдруг исчезнуть и тут же возникнуть вновь. Но именно поэтому они представлялись куда более реальными, чем любая неподвижная скала.

Атрейю стало страшно.

Но это был не страх перед угрожавшей ему опасностью – какой-то другой, безотчётный страх овладел им вдруг. Он вовсе не думал о том, что, быть может, под взглядом сфинксов он навсегда застынет там, где стоит... Нет, то был жуткий страх перед непостижимым, перед чем-то, что выходит за пределы возможного, перед реальностью нереального, превосходящего и великолепие, и могущество, и величие. Страх этот сковывал его, каждый шаг давался ему всё с большим трудом, и Атрейю вдруг почудилось, что весь он заполнен холодным тяжёлым свинцом.

И всё же он не остановился. Он шёл, не глядя вперёд, опустив голову, медленно-медленно. Шаг за шагом приближался он к каменным воротам. И всё сильнее страх, будто неподъёмная ноша, клонил его к земле. Но он упрямо шёл дальше. Он не знал, зажмурились ли

сфинксы. Ему нельзя было терять время. Он не знал, пропустят ли они его в ворота, или сейчас, в этот самый миг, наступит конец его Великого Поиска.

И вот как раз когда Атрейю почувствовал, что уже никаким усилием воли он больше не заставит себя переставить ногу, он услышал эхо своего шага, отражённое каменной аркой. И тотчас пропал давивший его страх, исчез, не оставив никакого следа. И он явственно ощутил, что уже никогда больше не будет его испытывать, что бы с ним ни случилось.

Атрейю поднял голову и увидел, что Ворота Великой Загадки уже позади. Сфинксы пропустили его.

А в двадцати шагах от него, там, где раньше простиралась голая равнина, возвышались Ворота Волшебного Зеркала. Оно было большим и круглым, словно вторая луна (настоящая всё ещё плыла в вышине, озаряя небосвод), и отсвечивали тусклым серебром. Трудно было поверить, что ему удастся проникнуть сквозь этот гладкий металлический диск, но Атрейю двинулся к нему без колебаний. Он ожидал, что увидит в этом зеркале, как его предупредил Энгивук, леденящий душу образ того, кто он есть на самом деле, но теперь, когда он навсегда распростился со страхом, всё это его ничуть не смущало.

Однако, вопреки ожиданиям, он увидел вовсе не чудовище, а... Непонятно почему, он увидел вдруг толстого бледного мальчика одних с ним лет, который, поджав ноги, сидел на спортивном мате и читал книгу. Мальчик этот кутался в рваное серое одеяло. У него были большие печальные глаза. А за ним в полутьме можно было разглядеть чучела орла, совы и лисицы; ещё дальше белело что-то вроде скелета, но как следует разглядеть, что это такое, Атрейю не удалось.

Бастиан так и ахнул, когда до него дошло то, что он сейчас прочёл. Ведь это был он! Описание совпадало во всех подробностях. Книга задрожала у него в руках. Нет, это уж слишком! Разве возможно, чтобы в напечатанной книге рассказывалось о том, что происходит прямо в эту минуту, и не с кем-нибудь, а с ним самим. Ведь любой человек прочёл бы на этой странице то же самое. Тут есть только одно объяснение – это какое-то невероятное совпадение. По правде сказать, уж очень невероятное.

– Бастиан, – сказал он вслух. – Ты просто спятил! Ну-ка приди в себя!

Он попытался произнести эти слова весьма строгим тоном, но голос его дрогнул, потому что он не был так уж уверен, что это всего лишь случайность. «А вдруг, – подумал он, – они там, в Фантазии, что-то обо мне знают! Вот было бы здорово!»

Но сказать это вслух он не решился.

Атрейю проходил сквозь зеркало с удивлённой улыбкой – он с трудом мог поверить, что так легко справился с испытанием, которое другим казалось непреодолимым. Правда, в этот миг он пережил какое-то странное волнение, и всё же он не подозревал, что с ним сейчас случилось.

Оказавшись по ту сторону Ворот Волшебного Зеркала, Атрейю потерял всякое представление о том, кто он такой, как он жил до сих пор и зачем он здесь. Он начисто забыл про Великий Поиск, который его сюда привёл, и даже не мог бы назвать теперь своего имени. Он был как новорождённый.

Прямо перед собой, на расстоянии всего лишь нескольких шагов, он увидел Ворота Без Ключа. Но он не помнил ни их названия, ни того, что должен пройти через них, чтобы попасть к Южному Оракулу. Он начисто забыл о том, что ему надлежит совершить. На душе у него было легко и весело, и он смеялся безо всякой причины, просто так, от какого-то прилива радости.

Небольшие низкие ворота, на которые он глядел, стояли прямо посреди плоской равнины и были похожи скорее на самую обыкновенную запертую дверь.

От нечего делать Атрейю стал разглядывать эти ворота. Они были из незнакомого ему материала с медным блеском. Выглядело это красиво, однако вскоре Атрейю наскучило смотреть на них, и он обошёл вокруг, чтобы увидеть, какие же они с обратной стороны. Оказалось, такие же. Ни спереди, ни сзади не было ни ручки, ни замочной скважины. Отворить эти ворота не представлялось никакой возможности, да и к чему было их отворять, раз они никуда не вели и за ними, куда ни глянь, простиралась бескрайняя равнина.

Атрейю захотелось поскорей уйти отсюда. Он повернул назад и пошёл к Воротам Волшебного Зеркала. Он увидел их с задней стороны и долго глядел, не понимая, что же это такое. Он решил, что здесь ему больше делать нечего. Пора уходить.

– Нет, нет, не уходи! – громко сказал Бастиан. – Вернись, Атрейю! Ты должен пройти сквозь Ворота Без Ключа!

И тут Атрейю почему-то вдруг повернул назад и решительно направился прямо к Воротам Без Ключа. Видно, ему захотелось ещё раз полюбоваться их медным сиянием. Оказавшись перед Воротами Без Ключа, он, чему-то безотчётно радуясь, отвесил поклон направо и налево. Потом нежно провёл рукой по поверхности створки. Из какого материала она сделана? На ощупь он был тёплый и казался мягкой кожей живого существа. И в тот же миг створка чуть-чуть приоткрылась.

Атрейю заглянул в эту щель и увидел теперь то, чего не заметил в тот раз, когда обходил ворота кругом. Он сделал шаг назад и огляделся – перед ним лежала голая равнина. Тогда он снова посмотрел в щель приоткрытых ворот и увидел длинный коридор, образованный бесконечной колоннадой. В конце его находились ступени, а за ними – новые ряды колонн и террасы, потом снова лестница, и снова лес могучих колонн. Над ними простиралось ночное небо – крыши не было.

Атрейю прошёл сквозь ворота и остановился в изумлении. Ворота за ним захлопнулись.

Башенные часы пробили четыре.

Тусклый свет, сочившийся сквозь чердачное окно, угасал с каждой минутой. Читать стало невозможно. Последнюю страницу Бастиан разобрал уже с трудом. Он отложил книгу.

Что делать?

Должно же быть электричество на этом чердаке! В полутьме Бастиан прошлёпал к двери и стал ощупывать стену у косяков. Но выключателя он так и не обнаружил ни с той стороны двери, ни с этой.

Бастиан вытащил из кармана брюк спички (он всегда таскал с собой коробок, потому что любил от нечего делать чиркать), но спички, как назло, отсырели, и зажглась только четвёртая. При слабом свете её огонька Бастиан снова принялся искать выключатель, но тщетно.

Такого он не предвидел. При мысли, что ему придётся проторчать здесь весь вечер и всю ночь в полной тьме, он похолодел от страха. Правда, он уже не маленький и дома, да и в любом другом знакомом месте, темноты бы не испугался, но здесь, под самой крышей, на этом огромном чердаке, заставленном какими-то странными вещами, было, сказать по правде, довольно жутко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.